

HISTORIA ROSSICA

ARCHIVALIA ROSSICA

ВОСПОМИНАНИЯ
С БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
1917–1918
ГОДОВ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Archivalia Rossica

Эрнст Параквин

**Воспоминания с Ближнего
Востока 1917–1918 годов**

«НЛО»

1940

УДК 94(53-15)«1917/1918»
ББК 63.3(533)53

Параквин Э.

Воспоминания с Ближнего Востока 1917–1918 годов /
Э. Параквин — «НЛО», 1940 — (Archivalia Rossica)

ISBN 978-5-4448-2151-5

История Первой мировой войны бесконечно сложна и запутана, поэтому до сих пор многие ее факты и обстоятельства неизвестны даже ведущим специалистам. Мемуары офицера германского Генерального штаба Эрнста Параквина (Паракена), прежде не публиковавшиеся ни в оригинале, ни в переводе, — ценное свидетельство о событиях на Ближнем Востоке и в Закавказье, а также о последних месяцах существования Османской империи и трагических страницах национально-государственного размежевания после распада державы Романовых. Воспоминания охватывают 1917–1918 годы — время участия Параквина в военных кампаниях в Месопотамии и на Кавказе. Автор мемуаров, поплатившийся своей многообещающей карьерой за то, что осудил убийства армян в Баку в сентябре 1918 года, осмысливает драматические политические процессы, которые разворачивались на периферийных площадках театра Первой мировой войны.

УДК 94(53-15)«1917/1918»

ББК 63.3(533)53

ISBN 978-5-4448-2151-5

© Параквин Э., 1940

© НЛО, 1940

Содержание

Предисловие к немецкому изданию[1]	6
Предисловие к русскому изданию	8
Введение	11
1. О биографии Эрнста Параквина	11
2. Вокруг отвоевания Багдада, 1917–1918	14
3. Кампания 1918 г. На Кавказе и взятие Баку	16
Воспоминания с ближнего востока, 1917–1918	19
Задача и первые впечатления	19
Отказ от отвоевания Багдада	26
Крушение турок в Месопотамии	33
Военные события во время кризиса	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Воспоминания с Ближнего Востока 1917–1918 годов

© Институт всеобщей истории РАН, 2023

© В. Баумгарт, В. С. Мирзеханов, Л. В. Ланник, составление,
комментарии, 2023

© Л. В. Ланник, перевод с немецкого, 2023

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

Предисловие к немецкому изданию¹

Воспоминания Эрнста Параквина о его службе германским офицером на фронте в Месопотамии в 1917 г. и на Кавказском фронте в 1918 г. ныне находятся в библиотеке МГУ им. М. В. Ломоносова. Они насчитывают 230 машинописных страниц текста на немецком языке. Точных данных о том, как именно они попали в Москву, пока нет. Однако следует исходить из того, что в 1945 г. они были доставлены в Россию Красной армией наряду с прочими архивными материалами и культурными ценностями. Значительная часть этих архивов в 1950-х гг. была возвращена ГДР. Но все документы, сколько-нибудь касавшиеся российской истории, отдавать не стали, а распределили по различным хранилищам в тогдашнем СССР, в том числе по университетским библиотекам. Есть основания предполагать, что Параквин передал свои «Воспоминания» на хранение в один из берлинских архивов, возможно Рейхсархиву (в Потсдаме), в начале 1940-х гг. Вместе с другими архивными фондами из Берлина/Потсдама они были перевезены для спасения от бомбардировок в одно из надежных укрытий в центральной или восточной Германии, а там оказались в руках Красной армии.

Мои российские коллеги, Леонтий Ланник и Велихан Мирзеханов, попросили меня принять на себя издание немецкого оригинала, а они взялись за его перевод на русский и подготовку к изданию. Можно лишь горячо приветствовать, что благодаря этому стало возможно предоставить в общее распоряжение ценный источник по истории Первой мировой войны.

Нет сомнения, что Параквин с самого начала писал свои «Воспоминания» для их последующей публикации. Однако при национал-социалистах это было бы невозможно, ведь автор не раз и довольно отчетливо осуждает политику Турции в отношении армян. Более того, он даже ушел со своего высокого поста начальника штаба турецкой группы армий, ведь резко осудил убийства армян в Баку в сентябре 1918 г.

Дата завершения работы Параквина над текстом нигде точно не упоминается, однако по некоторым указаниям в мемуарах видно, что она должна была завершиться в самом начале 1940-х гг.

«Воспоминания» Параквина здесь получили и еще пять приложений, три из которых написаны им самим, а еще два – майором Майром, подполковником Фридрихом бароном фон дер Гольцем и генералом Оскаром Грессманном. В приложении I описан тот же период, что и в «Воспоминаниях», однако оно куда компактнее по объему и содержит те или иные детали и рефлексию, что в более пространной редакции отсутствуют. Они взяты из довольно объемной истории семьи Параквин, два тома которой написаны Эрнстом Параквином, но были предназначены, очевидно, лишь для частного использования в кругу родни. Господин дипломированный инженер Буркхард Параквин, проживающий в Виндорфе-на-Дунае, предоставил ее в наше распоряжение. Из этой пухлой рукописи здесь приводятся лишь двадцать страниц, которые описывают период с середины 1917 г. по начало 1919 г., то есть опять-таки в основном деятельность Параквина в Месопотамии и на Кавказе.

В 1920-х гг. Параквин не раз высказывался в прессе по вопросам германской политики на Ближнем Востоке в годы Первой мировой войны. Эти статьи теперь не так-то просто найти, тем не менее одна из них приведена в качестве приложения II, где содержится обзор германской и турецкой политики в регионе – обзор, выдержанный в очень критических тонах, в особенности в адрес Турции. Он был опубликован в двух частях в январе 1920 г. в «Берлинер Тагеблатт».

Приложение III, как и предшествующее, является перепечаткой, а именно – пространного доклада, который Параквин закончил 26 сентября 1918 г. в Тифлисе и направил генералу

¹ Издание данного сборника источников на немецком языке параллельно осуществляется в ФРГ под редакцией профессора В. Баумгарта издательством «Schöningh/Brill».

Гансу фон Секту, тогда бывшему главой турецкого Генерального штаба в Константинополе. В нем в чрезвычайно критическом тоне он описал тяжелые последствия взятия Баку, за которые несла ответственность османская армия, публично осужденные им прямо в кругу турецких офицеров. После этого главнокомандующий османской группы армий освободил его от поста начальника своего штаба. Кипя от отвращения и негодования, Параквин покинул место событий и писал свой доклад под непосредственным впечатлением от недавно пережитого.

В приложении IV приведены два ранее не публиковавшихся доклада о событиях в Баку в сентябре – октябре 1918 г. Авторами обоих являются германские офицеры, ставшие свидетелями происходившего. Их отчеты об увиденном запросил глава германской военной миссии на Кавказе генерал Фридрих барон Кресс фон Крессенштейн. Телеграфный отчет майора Майра еще дышит свежими впечатлениями от резни армян после взятия Баку; в то время как доклад подполковника барона фон дер Гольца, написанный четырьмя неделями позже, уже более сдержан и посвящен в основном его наблюдениям о межнациональной борьбе на Кавказе в целом. Кроме того, Гольцу было поручено составить картину экономической ситуации на нефтепромыслах. Оба отчета хорошо дополняют данные Параквина о событиях в Баку и положении города после его взятия турками.

Приложение V представляет собой еще один крупный источник, однако написан он не Параквином, а высокопоставленным германским офицером, который был отправлен германской Ставкой в Месопотамию несколько ранее него. Автором этого текста стал генерал Оскар Грессманн. Его «Воспоминания» объемом лишь примерно в одну десятую от мемуаров Параквина; однако они хорошо показывают деятельность германского военного уполномоченного в Багдаде, демонстрируя более широкий контекст германской активности в Месопотамии и Персии в годы Первой мировой войны. Его «Воспоминания» – что опять-таки можно установить лишь по оговоркам в тексте – также записаны в начале 1940-х гг., но не публиковались. Их машинописная копия сохранилась в отделе рукописей библиотеки Гёттингенского университета.

Главный источник, «Воспоминания» Параквина, и четыре приложения к нему представляют важные свидетельства германских усилий на отдаленном от главных театров военных действий в Европе второстепенном фронте. Они дают впечатляющую картину попыток германского руководства подготовить военный удар в сторону Индии, чтобы сковать там силы британцев, оттянув их с решающего Западного фронта.

Фрау Бригитте Параквин из Нюрнберга весьма любезно указала мне на то, что фамилия Paragin произносится ныне по немецкой норме, то есть «Параквин». Я благодарю ее и за другие консультации по истории ее семьи.

Почетный профессор Майнцкого университета, Винфрид Баумгарт

Предисловие к русскому изданию

«Воспоминания» Эрнста Параквина о самом ярком этапе его военной карьеры офицера германского Генерального штаба – на османской службе в Месопотамии в кампании 1917–1918 гг. и затем на Кавказе летом – осенью 1918 г. довольно сложно шли к читателю. Долгое время они были известны лишь по ссылкам в замечательной и до сих пор (спустя более полувека) востребованной работе Е. Ф. Лудшувейта². Ее автор умер почти одновременно с выходом в свет этой книги, поэтому добиться публикации ценного источника не смог или не успел. Зарубежные специалисты, рецензировавшие книгу после ее выхода в середине 1960-х гг., в том числе В. Баумгарт, ставший составителем долгожданного ее немецкого издания, отметили использование советским ученым неизданной работы германского генштабиста, но о месте нахождения ее терялись в догадках вплоть до недавнего времени.

С помощью коллеги И. И. Баринова, предоставившего в распоряжение участников данного проекта свои выдающиеся познания о корпусе немецкоязычных источников и литературы, доступном на территории РФ, мемуары Э. Параквина были обнаружены в 2020 г. в Отделе рукописей библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова. Руководство Отдела не только мгновенно разрешило ознакомиться с небольшим томом в 230 страниц машинописи, но и сразу пошло навстречу высказанному желанию опубликовать данный источник, что еще раз обязывает поблагодарить за профессиональную помощь и готовность к сотрудничеству. Было очевидно, что рукопись заслуживает не только перевода, но и публикации ее оригинальной версии. На просьбу принять на себя подготовку немецкого издания охотно откликнулся почетный профессор Майнцского университета В. Баумгарт,ждавший такой возможности спустя несколько десятилетий. Он сразу же предложил несколько ценнейших дополнений к основному источнику и помог установить контакты с семьей Параквин и в поиске сохранившейся биографической информации. Необходимую поддержку проекту предоставили руководство Института всеобщей истории РАН и Германский исторический институт в Москве, договорившиеся о включении данного издания в книжную серию издательства «Новое литературное обозрение».

Судьба рукописи по-прежнему вызывает ряд вопросов и заставляет высказать ряд предположений об обстоятельствах ее возникновения и долгого забвения. Судя по немногочисленным косвенным оговоркам в тексте и на основе не слишком подробных сведений о позднем этапе жизни бывшего офицера Генерального штаба, можно считать, что мемуары были написаны не ранее февраля-марта 1941 г. Едва ли они дописывались существенно позже нападения Германии и ее союзников на СССР, ведь события громадной кампании заставили бы автора сразу же внести некоторые дополнения в воспоминания о Востоке. С некоторой вероятностью можно полагать, что Параквин решился написать о пережитом на османской службе по просьбе сотрудников военного архива и в частности бывшего майора и ветерана восточных фронтов К. фон Мюльманна, который как раз в те годы (в 1940-м, а затем в 1942 г.) опубликовал две важнейшие и до сих пор ценные работы по истории союзнического взаимодействия и особенно германского вклада в противостоянии на Балканах, а также на турецких театрах военных действий³. На томике воспоминаний стоят пометка «6-я османская армия» и номер, что показывает, что некогда эта рукопись была добавлена к коллекции материалов, вывезенных германскими офицерами при их непростой эвакуации из Османской империи, затянувшейся до середины 1919 г.

² Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы первой мировой войны: военно-политический очерк. М., 1966.

³ Mühlmann C. Das deutsch-türkische Waffenbündnis im Weltkrieg. Leipzig, 1940; Mühlmann C. Oberste Heeresleitung und Balkan im Weltkrieg 1914/1918. B., 1942.

Качество и манера изложения не оставляют сомнений, что Параквин имел в виду публикацию текста, хотя откровенность его вызвала бы немалые осложнения в условиях Третьего рейха, который, как известно, был заинтересован в сближении с Турцией. Чтобы блокировать выход в свет данной книги, хватило бы факта участия ее автора в процессе над убийцей Тала-ата-паши С. Тейлирянном в 1921 г.⁴ Однако явный дефицит германской литературы о любых фронтах Первой мировой войны, кроме Западного, особенно о кампании 1918 г., делал мемуары ценными настолько, что шансы на издание все же следовало считать ненулевыми, особенно в одной из выпускавшихся тогда Рейхс-, а затем Кригсархивом серий военно-исторических исследований по отдельным операциям Великой войны⁵. По-видимому, в качестве одного из ценных личных свидетельств в корпусе материалов для новых исследований по истории Великой войны эта рукопись и оказалась в Потсдаме, где дожидалась публикации после окончания работы над последними томами главной работы Рейхсархива, подготовленными в 1944 г.

К концу Второй мировой войны военно-исторические исследования оказались почти парализованы, важнейшим вопросом стало сохранение огромной коллекции материалов и документов военных инстанций, однако эвакуацию их успели произвести лишь частично. Детали и масштабы операции по спасению до сих пор известны лишь фрагментарно⁶, однако нет сомнений, что подавляющее большинство фондов прусских и общегерманских военных архивов погибло при бомбардировке Потсдама 14 апреля 1945 г. Остатки материалов и коллекций были затем обнаружены войсками союзников, разделивших Германию на оккупационные зоны. Их сбор и комплектование соответствующих фондов продолжается до сих пор, что видно по массе материалов по истории различных аспектов Великой войны, из личных фондов в Военном архиве во Фрайбурге, до сих пор не введенных в оборот. Основная часть неуничтоженных бумаг бывшего Рейхсархива оказалась в советской зоне, где попытались организовать систематический сбор, а затем вывоз трофейных военно-исторических документов. Е. Ф. Лудшувейт был причастен к этой работе, ведь летом 1945 г. в окрестностях Берлина лично участвовал в установлении ценности собранных едва ли не на улицах бумаг. Возможно, именно тогда он обнаружил мемуары Параквина, добившись их отправки в Москву и передачи в библиотеку МГУ. Наверное, поэтому данный источник не был отправлен в архивы ГДР ни в 1950-х гг., ни в конце 1980-х гг., а следы его после работы Лудшувейта с этими мемуарами затерялись. Составленная выдающимся советским германистом профессором М. Н. Машкиным (1926–2014) справка о состоянии, особенностях оригинала и ценности мемуаров (не датирована) фиксировала базовые параметры 230-страничного переплетенного томика из машинописных страниц с минимальной правкой. Однако и эта экспертная оценка воспоминаний, к сожалению, не получила продолжения. Вполне возможно, в различных хранилищах на территории РФ ждут своего исследователя (и издателя) и другие материалы германских военных архивов. Предпринимаемые ныне усилия по поиску, систематизации и оцифровке сохранившихся в различных архивах и библиотеках России германских трофейных документов, особенно военно-исторического характера, несмотря на значительные успехи⁷, далеки от завершения. Составители надеются, что данное издание позволит привлечь внимание профессионального сообщества к дальнейшим проектам по обнаружению долгое время считавшегося утраченным военно-

⁴ Новейшая и первая масштабная биография великого визиера не на турецком языке показательна уже названием: *Kieser H.-L. Talât Pascha. Gründer der modernen Türkei und Architekt des Armeniergenozids. Eine politische Biografie.* Zürich, 2020.

⁵ См. подр.: *Pöhlmann M. Kriegsgeschichte und Geschichtspolitik. Der Erste Weltkrieg. Die amtliche deutsche Militärgeschichtsschreibung 1914–1956.* Paderborn, 2002.

⁶ См., напр.: *Löbel U. Neue Forschungsmöglichkeiten zur preussisch-deutschen Heeresgeschichte. Zur Rückgabe von Akten des Potsdamer Heeresarchivs durch die Sowjetunion // MGM. 1991. 51 (1). S. 141–149; Otto H. Der Bestand Kriegsgeschichtliche Forschungsanstalt des Heeres im Bundesarchiv, Militärisches Zwischenarchiv Potsdam // MGM. 1992. 51 (2). S. 429–441; Wegner B. Deutsche Aktenbestände im Moskauer Zentralen Staatsarchiv. Ein Erfahrungsbericht // VfZ. 1992. 40. Hf. 2. S. 311–319.*

⁷ Результаты масштабного проекта публикуются на сайте: <http://tsamo.german-docs.inrussia.org/ru/nodes/1-germanskie-dokumenty-pervoy-mirovoy-voyny-tsamo-fond-500-opis-12519>.

исторического фонда, пережившего перипетии Второй мировой войны и десятилетия забвения.

Хотя воспоминания Э. Параквина весьма ценны сами по себе, составители сочли нужным отобрать для их издания ряд приложений. Три из них – фрагмент из двухтомной «Истории семьи Параквин», статья о политике Германии на Ближнем Востоке и доклад начальнику османского Генерального штаба и будущему основателю рейхсвера Г. фон Секту – того же авторства. Наряду с приложением № IV, воспоминаниями германского генерала О. Грессманна, также игравшего значительную роль в германо-османском военном сотрудничестве в Месопотамии, эти приложения, также фактически не введенные в научный оборот, позволяют составить более полную картину описываемых Параквином важнейших процессов на второстепенных театрах Великой войны. Разнообразие жанров приложений и различная дистанция, отделяющая их создание от описываемых событий, обеспечивают возможность проследить, какой далекий путь пришлось пройти от масштабных замыслов будущего рывка в Индию до осмысления полной практической невозможности воплотить самые многообещающие германские экспансионистские проекты. Написанные примерно одновременно с мемуарами Параквина мемуары германского военного уполномоченного в Багдаде О. Грессманна, также ранее не публиковавшиеся, а ныне хранящиеся в библиотеке рукописей Гёттингенского университета, убеждают в том, сколь объективен был в своих оценках османо-германского взаимодействия и непреодолимых трудностей 42-летний майор германского Генерального штаба, заплативший своей многообещающей карьерой за то, что категорически осудил увиденное им в сентябре 1918 г. в Баку.

В. С. Мирзеханов (ИВИ РАН), Л. В. Ланник (ИВИ РАН)

Введение

1. О биографии Эрнста Параквина

Эрнст Параквин⁸ родился 2 марта 1876 г. в Сааргемюнде в Лотарингии. Его предки переехали из Валлонии и в итоге осели в Баварии, где Эмиль Параквин сделал карьеру железнодорожного инженера, а затем был переведен в недавно приобретенную только что объединившейся Германской империей новую провинцию. Таким образом, Эрнст Параквин является представителем одного из немногих поколений, чье взросление было полностью связано со Вторым рейхом, а биография в известной степени определялась самим фактом произошедшего в 1870–1871 гг. становления новой мировой державы. Эмиль Параквин умер уже в 1882 г., так что его семья вынуждена была вернуться в Мюнхен, где Эрнст окончил полный курс гимназии и, как и многие его сверстники, избрал пользовавшуюся не только в Пруссии, но и в Баварии высочайшим престижем карьеру военного. В 1894 г. началась почти четвертьвековая служба Параквина в баварской армии, где он быстро получил офицерское звание и решительно принялся делать карьеру. Одним из немногих шансов ускорить очень непростое продвижение по службе стало участие в экспедиции по подавлению движения ихэтуаней в Китае. Отбор в контингент будущей морской пехоты был достаточно строгим, но Параквину удалось его пройти. Боевой опыт позволил ему быстро получить место полкового адъютанта, а в 1907–1910 гг. пройти полный курс обучения в Военной академии в Мюнхене. Пользовавшаяся уникальной степенью самостоятельности в военных вопросах Бавария не обладала лишь одной армейской инстанцией, сопоставимой с тем, что находится в Берлине. Баварский Генеральный штаб не шел в сравнение с детищем Мольтке-старшего и Шлиффена – Большим Генеральным штабом. Именно туда командировались особенно перспективные баварские генштабисты, в том числе прикомандирован к нему в 1911–1913 гг. был и Э. Параквин. Непростая, но, безусловно, амбициозная карьера прерывалась лишь командировками на строевые должности. Именно на таком промежуточном этапе – командования ротой в 4-м баварском пехотном полку – и застала капитана Параквина Великая война.

Первые ее месяцы молодой генштабист провел в ожесточенных боях на Западном фронте в составе 33-й резервной дивизии. Она наступала от Меца на верденском направлении, неся тяжелые потери, но уже к середине сентября фронт стабилизировался. Огромная убыль кадровых офицеров и общий дефицит подготовленных генштабистов во все более разрастающейся армии быстро обеспечили Параквину перевод на более подходящую должность – одного из офицеров Генштаба – во вновь созданном штабе корпуса генерала графа Ф. Ботмера, который должен был помочь австро-венгерским войскам удержать фронт в Карпатах. Вскоре Параквин был произведен в майоры, а затем и получил тогда еще весьма престижный Железный крест 1-го класса. Успешная для Центральных держав кампания 1915 г. на Восточном фронте требовала наращивания военных усилий. Германским офицерам все чаще приходилось возглавлять смешанные соединения, что повышало требования к уровню генштабистов. Баварец Параквин стал 1-м офицером Генштаба в образованном из целого ряда австро-венгерских частей корпусе генерала от кавалерии Маршалла, действовавшем в Галиции. Не подозревая того, он уже

⁸ Вполне возможно, что, хотя к настоящему моменту семья Параквин пользуется именно таким – буквальным – вариантом произношения этой французского происхождения фамилии, ранее, в том числе даже в начале XX в., сохранялась все же традиционная транскрипция – Паракен, чему достаточно аналогий среди многочисленных потомков гугенотских фамилий, выселившихся главным образом в Пруссию. И Е. Ф. Лудшувейт, и рецензировавший рукопись Н. М. Машкин однозначно отдавали предпочтение варианту «Паракен».

вышел на высший этап своей карьеры. Дальнейшие его назначения – в баварские части вновь на Западном фронте, а потом на все более спокойные его участки – ни высоких наград, ни новых званий не принесли. Он вновь оказался в Лотарингии, где фронт со времен его отъезда на Восток несколько не изменился.

Возможно, поэтому он с куда большей охотой, чем хотел признать в написанной истории семьи⁹, последовал вызову в германскую Ставку в Кройцнахе в июле 1917 г., где получил возможность сдвинуть свою карьеру с мертвой точки. Свое пребывание и беседы в Верховном Главнокомандовании он описал, хотя, вероятно, очень о многих разговорах «на высшем уровне» предпочел умолчать. Через три недели его наконец-то вызвали по телеграфу, чтобы предоставить ответственный, сложный и пока совершенно не ясный для него пост: начальника штаба 6-й османской армии, действовавшей в Месопотамии. С самого начала никаких сомнений в возможности неудачи испытывать не приходилось: весной того же года эта армия потерпела тяжелое поражение и потеряла Багдад, что стало сильным ударом по авторитету на Востоке турецких войск, окрепшему было после победы под Кут-эль-Амарой. Задача перед новым начальником штаба армии во главе с Халилом-пашой ставилась явно невыполнимая: отвоевать Багдад. Всю степень бесперспективности усилий на новом своем посту Параквин вынужден был познать только на непосредственном опыте, что потом и легло в основу соответствующей части его воспоминаний.

Он провел в северной Месопотамии более полугода, тщетно борясь с неотвратимой деградацией всей османской военной организации. За это время 6-я турецкая армия избежала действительно катастрофических поражений лишь потому, что британцы не придавали особого значения данному театру военных действий, да и общее положение Центральных держав на Кавказе и Среднем Востоке существенно улучшилось после развала русской армии. Быстрое наступление османских войск в Закавказье в марте – мае 1918 г. и вовсе открыло новые горизонты экспансии, что привело к обострению отношений между Германией и Портой, ведь младотурки вознамерились компенсировать любые потери в Палестине и Месопотамии за счет территорий бывшей Российской империи, пытаясь реализовать эфемерные пантуранские проекты¹⁰. Решение этой задачи было поручено новой группе армий «Восток», командующим которой стал Халил-паша, взявший с собой и Параквина, ведь тот, несмотря на все разногласия и неудачи, сумел завоевать доверие начальства не только в профессиональном, но и в личном отношении.

На новом посту Параквин столкнулся с едва ли менее, а во многом и более сложной задачей, хотя в военном отношении действия вверенных ему войск увенчались – после некоторых неудач – взятием Баку 14–15 сентября 1918 г. Эти бои стали последней победой Центральных держав над войсками Антанты во всей Великой войне, однако воспользоваться ее плодами было невозможно. В том числе потому, что и без того сложные отношения между германскими военными советниками и османским генералитетом обострились еще сильнее. Параквин уверял, что именно его усилия привели к тому, что Баку удалось взять вопреки вопиющей нерешительности и непрофессионализму турецкого командования. Тем более он был возмущен картинами разорения и мародерства во взятом городе, а также полным пренебрежением его протестами со стороны главного триумфатора – Нури-паши. Его начальник – Халил-паша – хотя и питал к Параквину дружеские чувства, довольно легко избавился от возмущенного подчиненного, поддавшись эйфории после последней османской победы в Великой войне. Германский майор вместе с несколькими коллегами уехал в Тифлис, где с июня 1918 г. действо-

⁹ См. приложение I, с. 162–169.

¹⁰ Они – по очевидным причинам – вызывали в Третьем рейхе пристальный интерес как раз в годы написания Параквином мемуаров, см.: Jäschke G. Der Turanismus der Jungtürken. Zur osmanischen Außenpolitik im Weltkrieg // Die Welt des Islams. 1941. Bd. 23. Hf. 1–2. S. 1–54.

вала германская военная миссия генерала Ф. Кресса фон Крессенштейна¹¹, тщетно апеллируя в подробном отчете к Г. фон Секту, возглавлявшему с декабря 1917 г. османский Генеральный штаб¹². Новое назначение, непременно вне рядов османской армии, где теперь для него любые посты были исключены, Параквин получить не успел. Ему сильно повезло в том, что он, везя с собой значительное количество документов командных инстанций, где прослужил более года, успел благополучно добраться до Германии еще до того, как революционный хаос охватил железные дороги всей Восточной и Центральной Европы. 9 ноября 1918 г. Параквин уже лично наблюдал главные события Ноябрьской революции в Берлине.

Не менее увлекательной могла быть и следующая стадия карьеры Параквина, ведь он – в отличие от подавляющего большинства своих коллег – был готов принять необратимые политические изменения и даже не побоялся заявить об этом, вступив в политические дебаты. Однако вопреки установлению республики и значительной трансформации прежних институтов власти и общества вооруженные силы сохранили в лучшем случае снисходительное отношение к новому государственному устройству¹³. Разгром Советской Баварии и провал Капповского путча парировали, как тогда казалось, угрозы и справа, и слева. Офицерам-республиканцам, а тем более сторонникам социал-демократии в рейхсвере места быть не могло, невзирая ни на какие прежние связи и знакомства. Поэтому Э. Параквин после четверти века военной карьеры решил начать новый этап своей жизни, связав ее с переобучением в Мюнхенском университете (специальность – современные языки) и частными заработками. Его выступления в прессе, по-видимому, не принесли должного эффекта, так что следующие десятилетия он прожил вдалеке от исторических событий. Написание публикуемых здесь воспоминаний стало, вероятно, наиболее заметным вкладом в его наследие и достойным венцом былой карьеры офицера Генерального штаба.

Эрнст Параквин умер 23 сентября 1957 г. на 82-м году жизни. Он не был женат и не оставил потомства, что делает особую честь его семье, сохранившей память о своем незаурядном родственнике.

¹¹ *Astamadze G. Deutsch-georgische Zusammenarbeit 1918: Georgiens Unabhängigkeit und das deutsch-georgische Bündnis im Südkaukasus. Paderborn, 2022.*

¹² См. подр.: *Rabenau F. v., Seeckt H. v. Aus seinem Leben (Bd. 2). Leipzig, 1940. S. 11–113.*

¹³ Литература по данной теме громадна, достаточно указать лишь: *Guth E. Der Loyalitätskonflikt des deutschen Offizierkorps in der Revolution 1918–1920. Frankfurt/M., 1983; Keller P. «Die Wehrmacht der Deutschen Republik ist die Reichswehr». Die deutsche Armee 1918–1921. Paderborn, 2014.* В российской историографии см., напр.: *Ланин Л. В. Победоносные проигравшие. Германская военная элита 1914–1921. СПб., 2016.*

2. Вокруг отвоевания Багдада, 1917–1918

Османская империя в ходе Великой войны оказалась в самом тяжелом стратегическом положении из всех стран Четверного союза, воюя на многих фронтах (турецкие коллеги насчитывают до семи!) без минимально необходимой для этого инфраструктуры. Отдаленность полей сражений и невиданный размах военных усилий – до двух миллионов мобилизованных в османские армии – могли компенсировать очевидно непосильную задачу, однако лишь временно. Несмотря на героическую оборону Галлиполи и упорные попытки наступать или сорвать неуклонное наращивание вражеских армий, кольцо сжималось. После тяжелых неудач на Кавказском фронте в кампанию 1916 г. на следующий год пришел черед неизбежных поражений и на других театрах военных действий. Первой из знаковых катастроф стала утрата Багдада 11 марта 1917 г., с которой младотурки не желали смириться, хотя продолжала назревать и последовала в ноябре – декабре 1917 г. не менее существенная драма в Палестине, где британские войска вошли в Иерусалим.

Не только в Константинополе, но и в Берлине были крайне обеспокоены неудачами на Ближнем Востоке, а потому с лета 1917 г. масштабы германской военной помощи, подробно описываемые в том числе и Э. Параквином финансовые потоки, были значительно увеличены. Во главе новой группы армий «Йилдырым» был поставлен бывший глава германской Ставки, блестяще проявивший себя при разгроме Румынии осенью 1916 г. генерал Э. фон Фалькенгайн. С ним прибыл целый ряд германских генштабистов, значительно усилился германский Азиатский корпус, приступили к тяжелейшей работе по налаживанию снабжения. Быстро выяснилось, что успешно укреплять сразу два периферийных фронта невозможно, а концентрироваться лишь на одном из них означало рисковать крупными неудачами на другом. Общей бедой османских армий в Месопотамии и Палестине было неоконченное строительство важнейших магистралей, которые соединили бы Константинополь через Алеппо не только с Мосулом, но и с Газой. По иронии судьбы необходимые для этого туннели в Таврских горах были окончены именно тогда, когда османские армии постиг полный крах, в сентябре 1918 г.

По дороге в Мосул в конце августа – начале сентября 1917 г. Э. Параквин смог в полной мере оценить контраст между уровнем организации и снабжения армии, к которому он привык ранее, и тем, как приходилось обеспечивать потребность османского фронта в северной Месопотамии: гужевым транспортом и почти аварийными узкоколейками. Попытки массового применения автоколонн парировались полным бездорожьем и острым дефицитом топлива. Некоторым облегчением был речной транспорт, однако в этой сфере перемен не было со времен Ассирийского царства. Следствием этого была не только невозможность нарастить силы 6-й армии для желаемого контрнаступления, но даже сколько-нибудь удовлетворительно снабжать уже задействованных в Месопотамии солдат, хотя их численность постоянно снижалась и в итоге едва превышала дивизию штатного состава. Фантастическая коррупция и сложная для осознания европейцами этика ведения хозяйственных дел в этом регионе (что подтверждает и О. Грессманн) дополняли безотрадную картину. Смерть от голода османских солдат стала типичным явлением, так что ее официально признавали «героической гибелью за Отечество»¹⁴.

Хватало и иных проблем, подрывавших боеспособность армии настолько, что от дальнейшего отступления ее удерживали только сравнительная пассивность британских войск и неблагоприятные погодные условия. Стратегическая важность северной Месопотамии для любых проектов экспансии на Среднем Востоке, с очередной попыткой вовлечь в антибританскую

¹⁴ См. подр.: *Erickson E. J. Ordered to die: a history of the Ottoman Army in the First World War*. Westport; L., 2001; *Erickson E. J. Ottoman Army effectiveness in World War I: a comparative study*. N. Y.; L., 2007.

войну Персию и Афганистан, а то и поднять восстание против колониальных властей в Индии, была очевидна. Энтузиастов этих идей было вполне достаточно не только в военных, но и в дипломатических кругах¹⁵. Однако столь же явной была неспособность к реализации действительно масштабных проектов, в том числе из-за особенностей османской военной элиты. Взаимодействие с младотурецким генералитетом вообще давалось германским специалистам не просто, и уже в феврале 1918 г. после явной неудачи всех начинаний покинул османскую службу Э. фон Фалькенгайн. Впредь ничего кроме обороны на Ближнем Востоке Центральные державы планировать не могли.

Пассивность британцев в Месопотамии сочеталась с постепенным наращиванием их сил в Палестине, так что в случае развала фронта на побережье Средиземного моря положение 6-й армии под Мосулом стало бы безнадежным. К весне 1918 г. она сократилась настолько, что боевого состава хватило бы в лучшем случае на одну полную дивизию. Все хуже обстояло дело с вооружением, и при любом напоре британцев османские войска отступали, ведь они были беззащитны даже перед символическими силами авиации или сколько-нибудь мобильных отрядов и кавалерии. Э. Параквин убедился в том, что максимумом возможного на его посту был бы выигрыш времени, никакие разъяснения начальству относительно катастрофы фронта результата не давали, в том числе потому, что помочь чем-либо Э. фон Фалькенгайн, Г. фон Сект были бессильны, ведь для этого пришлось бы исправить все то, с чем тщетно десятилетиями боролись прусские военные миссии в Порте со времен Г. фон Мольтке – старшего. К аналогичным выводам приходили и другие германские генштабисты, хотя это не мешало постоянным разногласиям и между ними, особенно с участием О. Лимана фон Сандерса. Отчаянное положение войск Центральных держав на фронтах в Азии парадоксальным образом сочеталось с упорным отказом принять невозможность изменить его к лучшему и к откровенному признанию лишь оборонительных перспектив.

¹⁵ Достаточно указать на членов экспедиции в Афганистан О. фон Нидермайера и В. фон Хентига. См. подр. о германских военно-агитационных усилиях: *Kreutzer M. S. Dschihad für den deutschen Kaiser. Max von Oppenheim und die Neuordnung des Orients (1914–1918)*. Graz, 2012; *Krug S. Die «Nachrichtenstelle für den Orient» im Kontext globaler Verflechtungen (1914–1921)*. Strukturen – Akteure – Diskurse. Bielefeld, 2020.

3. Кампания 1918 г. На Кавказе и взятие Баку

Развал Кавказского фронта русской армии, быстрый вывод войск и вспышки Гражданской войны в российском Закавказье стали той внезапной переменной в обстановке, которая позволила Османской империи не просто выдержать еще одну кампанию, но вдруг ощутить себя победительницей и тут же приступить к утопическим проектам возвращения всех территорий на востоке, утраченных за два столетия неудачных войн. Германская дипломатия и военные оказались не готовы к столь захватывающим перспективам, хотя возможность получения ценных ресурсов из Закавказья, в особенности нефти из Баку, была крайне увлекательной. К маю 1918 г. ситуация с османской экспансией на Кавказском фронте стала явно неуправляемой, и Германия вынуждена была принять экстренные меры для укрепления своих позиций в регионе, форсировав образование независимой Грузии, полностью нуждающейся в германской помощи. Однако миссия Ф. Кресса фон Крессенштейна в Тифлис прибыла лишь к концу июня, да и войск в ее распоряжении поначалу было слишком мало – чуть более двух батальонов. В это же время, к огромной тревоге различных кайзеровских инстанций, Порта заставила региональные государства-лимитрофы Российской империи подписать Батумские мирные договоры (4 июня) и стала стремительно оформлять собственную зону гегемонии между Черным и Каспийским морями¹⁶. При этом младотурецкие лидеры уверяли недовольную германскую Ставку в том, что авантюрная экспансия на восток вызвана лишь стремлением обеспечить нужные позиции для будущего отвоевания Багдада, поэтому главной целью является не столько Баку, сколько Тебриз. С этим в германских штабах и ведомствах были готовы согласиться, ведь постепенное усиление британских войск (и остатков русской армии, поступивших на службу бывшим союзникам¹⁷) в Персии настораживало. Опасались и успешного наступления войск Бакинской коммуны, которая подчинялась большевистскому правительству в Москве и получала от него – в обмен на нефть – военную помощь. Категорическое непризнание большевиками всех закавказских правительств означало, что в случае победы войск из Баку (в основном из армянской части населения этого города) последует возобновление войны с Османской империей, а также попытки наступления на Тифлис.

После яростного конфликта между германской и османской Ставками в июне 1918 г., перешедшего в стадию личного противостояния Э. Людендорфа и Энвера-паши, споры, казалось, были урегулированы. Неумные экспансионисты из османского генералитета были сняты с постов или дали гарантии полной координации дальнейших действий с германской миссией в Тифлисе. Обеспечивать ее должен был командующий новой группой армий Халил-паша, который для этого выехал на совещание на высшем уровне в Константинополь. С собой он взял и Э. Параквина, оставшегося его начальником штаба и после этого повышения. Германский майор Генштаба мог полагать, что сделал еще один заметный шаг по карьерной лестнице, отправившись с безнадежного во всех отношениях поста на обреченном фронте в сложную и очень перспективную миссию по установлению контроля Центральных держав над огромным регионом с пестрым населением и массой застарелых конфликтов. Параквину – при всей его лояльности к османским коллегам и лично к Халилу-паше – пришлось на личном опыте вникать во все более кровавые страницы истории Закавказья, о которых он до этого знал лишь понаслышке или не хотел верить. И все же даже после визита в Эривань и беседы с католикосом о катастрофическом положении беженцев-христиан баварский начальник штаба осман-

¹⁶ Мирзеханов В. С., Лаврик Л. В. Батумская подсистема как пространство османской гегемонии в Закавказье: к постановке проблемы // Новая и новейшая история. 2021. № 3 (65). С. 5–22.

¹⁷ См. подр.: Безугольный А. Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия 1917–1919. М., 2011.

ской группы армий воздерживался от радикальных выводов, в первую очередь исполняя свой долг ради общих интересов Центральных держав.

О специфике позиции Параквина, его усилиях сохранить союзнические отношения с османским генералитетом, когда приходилось действовать на свой страх и риск, ведь указания опаздывали, можно говорить уверенно, если сравнить его отзывы с недавно опубликованными воспоминаниями и документами Ф. Кресса фон Крессенштейна, главы германской военной миссии в Тифлисе¹⁸. Еще сильнее отличаются и сохранившиеся лишь частично документы Г. фон Секта, главы германской миссии в Баку Ф. фон дер Гольца¹⁹ и ряд иных свидетельств, уцелевших в фондах Политического архива германского дипломатического ведомства (РА АА)²⁰ и пока не введенных в научный оборот. Имеющихся материалов²¹ вполне достаточно, чтобы констатировать организационно-техническую недостаточность германских усилий в столь далеком регионе, отчаянные попытки разобраться в хитросплетении войны всех против всех в Закавказье, попытку добиться конкретных результатов побыстрее и крайне скромными силами.

Хотя в итоге германских генштабистов постигла неудача, на фоне объективной трудности и даже невыполнимости стоявших перед ними задач следует признать, что были достигнуты успехи, вероятно, максимальные из возможных. Офицерам приходилось все чаще заниматься политикой, экономикой, чуть ли не этнографией, но чисто военные задачи – от тактического до стратегического уровня – с них при этом никто не снимал. Прекрасно осознавали и нехватку времени: Центральные державы отчаянно нуждались в притоке сырья, топлива, возвращении военнопленных и новых союзников. Важно было всеми силами укреплять престиж в регионах распавшейся Российской империи, но не тратить силы, втягиваясь в сложные национальные и социальные конфликты. Всю сложность переплетавшихся процессов Параквин – как и его коллеги – мог лишь угадывать, ведь из-за трудностей со связью, в том числе из-за прямого османского саботажа, часто важнейшие известия или распоряжения от вышестоящих инстанций неделями шли в окрестности Баку через Константинополь, Севастополь и Тифлис. Поэтому в мемуарах германского генштабиста нет ни слова о подписанном в германской столице Добавочном договоре от 27 августа, который прямо затрагивал судьбы Закавказья и сопровождался секретной нотой о германо-большевистском взаимодействии, направленном не только против британцев, но и против экспансии младотурок²². Эти соглашения в итоге лишились актуальности благодаря подготовленной Параквином победе Исламской армии под Баку, ведь критический недостаток сведений из далекого региона испытывали и в Москве, и в Берлине.

Находившийся в эпицентре решения судьбы нефтепромыслов генштабист был плохо осведомлен – например, по сравнению с Ф. Крессом фон Крессенштейном – о том, что происходит в соседних странах и провинциях. Судя по мемуарам, он не представлял себе расстановку сил в Персии, Закаспийской области, Дагестане, а тем более на фронтах Гражданской войны в других регионах России. Лишь догадываться он мог и о той катастрофе, что назревала на других периферийных фронтах Великой войны, но вряд ли ожидал действительно драматического поражения на Западном фронте, хотя напряжение борьбы за каждый метр французской территории познал на личном опыте. Тем более события приняли неотвратимый харак-

¹⁸ Friedrich Freiherr von Kreß, Bayerischer General und Orientkenner. Lebenserinnerungen, Tagebücher und Berichte 1914–1946 / hrsg. von W. Baumgart unter Mitw. von G. Astamadze. Paderborn, 2020.

¹⁹ Goltz F. v. d. Meine Entsendung nach Baku // Zwischen Kaukasus und Sinai. Jahrbuch des Bundes der Asienkämpfer. Bd. 3. Sangerhausen, 1923. S. 125–156.

²⁰ Большинство из них до сих пор не введено в научный оборот: РА АА. RZ 201/11056-11061.

²¹ В том числе опубликованных В. Баумгартом в: Baumgart W. Das «Kaspi-Unternehmen» – Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs? 2 Tle // JfGO. 1971. Bd. 18. Hf. 1. S. 47–126; Hf. 2. S. 231–278.

²² См. подр.: Ватлин А. Ю., Ланник Л. В. Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208–230.

тер, ведь почти одновременно совпали громкая отставка германских офицеров из османских штабов в Азербайджане, крах османских армий в Палестине и Месопотамии, а затем и прорыв Салоникского фронта, ставший началом конца Четверного союза. Катастрофу, надвигавшуюся на Центральную Европу и менявшую все представления о будущем, германский майор воспринимал с явным привкусом той трагедии, что уже довелось наблюдать на улицах Баку.

Несколько беллетристический слог Параквина и порой эмоциональные пассажи добавляют его воспоминаниям новые грани, выводя их за рамки сухой военной истории и присущего трудам Рейхсархива диапазона тем и стилей. Даже некоторое преувеличение им своей роли или заслуг выглядит вполне естественной чертой подобных произведений вообще, так что при всех оговорках насчет личной скромности или чужой неблагодарности данный текст делает современное представление о битве за Баку, да и о трагедии османского фронта в Месопотамии богаче на минимум еще одну грань в широком спектре оценок. При этом мемуарист совершенно не стремился к тону обвинительного памфлета или к бинарным оценкам, даже там, где двух мнений, казалось бы, и быть не может. Иллюстративная ценность воспоминаний Параквина совершенно не снимает задачи анализа болезненных событий в истории Закавказья, однако способна прояснить многое в последовательности и фоне принятия решений и в психологической обстановке в высших османских штабах.

Опыт столкновения с куда более сложной действительностью, совершенно чуждой всему ранее привычному, навсегда изменил его. Это видно хотя бы потому, что сразу же после проигранной войны, когда шла отчаянная схватка за места в небольшом (400 тысяч, постепенно сократившиеся до 100 тысяч) временном рейхсвере, майор отправился изучать иностранные языки, повышать образовательный уровень, хотя на недостаток интеллектуального развития офицеры Генштаба и без того не жаловались. «Штатский», по-своему не менее интересный, особенно в рамках особого жанра постимперских биографий исследований, этап жизненного пути Параквина потребовал бы иного издания. Но здесь будет не лишним подчеркнуть, что те немногие сведения, что есть о судьбе отставного майора в 1919–1921 гг., показывают, сколь нестандартной личностью он был среди своих коллег, куда более предсказуемых – и по взглядам, и по манере восприятия и «переработки» поражения в Великой войне. Достаточно указать лишь на то, как именно Параквин описывал пережитые им месяцы Советской Баварии²³ и сделанные им выводы. В отобранном для публикации фрагменте «Истории семьи Параквин» нет доказательств искренности дальнейшей аполитичности отставного майора Генштаба. Однако оснований не верить в такое его заявление о своей военно-политической «абстиненции» по итогам трагедии Великой войны и революции в Германии у нас куда меньше, чем в отношении недавних коллег и сверстников Параквина, оставшихся в рейхсвере. Хотя аполитичность этих вооруженных сил «версальского образца» непрестанно подчеркивалась, его руководство совершенно иначе проявило себя в схватке за власть, погубившей Веймарскую республику. Отставным офицерам и генералам – как Э. Параквину, так и адресату его отчета о событиях в Баку Г. фон Секту – оставалось лишь бессильно за этим наблюдать.

В. С. Мирзеханов, Л. В. Ланник

²³ См. приложение I, с. 182–185.

Воспоминания с ближнего востока, 1917–1918

Задача и первые впечатления

После падения Багдада в марте 1917 г.²⁴ турецкое Верховное Главнокомандование обратилось к Германии с вопросом, готов ли генерал фон Фалькенгайн принять на себя задачу по изгнанию англичан из древней резиденции халифа. После краткой ознакомительной поездки в мае 1917 г. через Мосул в Киркук Фалькенгайн согласился²⁵ при том условии, что помимо стоявшей по берегам Тигра 6-й армии ему будет подчинена также вновь формируемая 7-я турецкая армия, а также германский Азиатский корпус. И то и другое было ему обещано.

Эти вооруженные силы были сведены в группу армий F, которая в Турции получила официальное наименование «Йилдырым» (то есть «молния»)²⁶. Штаб этой группы армий был укомплектован немцами и турками. Начальником его стал полковник фон Доммес²⁷. В 1915–1916 гг. он был моим начальником, когда я служил 1-м офицером Генштаба в корпусе Маршалла²⁸ в Галиции. Ему я и обязан своей миссией в Турции.

Наступление против стоявшей западнее Багдада английской армии генерала Мода²⁹ должно было начаться самое позднее в январе 1918 г. 7-я армия и Азиатский корпус должны были двигаться вдоль Евфрата, а 6-я армия двумя колоннами вдоль Тигра и Диялы. Для прикрытия восточного фланга 6-й армии от неожиданных ударов из Персии³⁰ следовало образовать особый летучий отряд под командованием баварского капитана Нидермайера, который

²⁴ Англо-индийские войска генерала Ф. С. Мода вошли в Багдад без боя 11 марта 1917 г. после яростных боев к югу от города, причем отступление османских войск к Мосулу превратилось в их тяжелое поражение, с потерей от 9 до 15 тысяч пленных, так что армии генерала Халила-паши потребовались срочные подкрепления.

²⁵ Э. фон Фалькенгайн, лишившись в конце августа 1916 г. поста начальника Генерального штаба Действующей армии, то есть фактически главенства в германской Ставке, затем провел блестящую кампанию по отражению румынского наступления в Трансильвании, а также по разгрому армии Румынии, что привело к взятию Бухареста в начале декабря 1916 г. Однако из-за по-прежнему крайне неприязненных отношений с его преемником во главе германского Главнокомандования генералом Э. Людендорфом должных лавров ему получить не удалось, а с января 1917 г. активные боевые действия на этом театре военных действий прекратились. Поэтому он прекрасно осознавал крайне малые шансы на успех, однако не терял надежды отличиться вновь и вернуть себе расположение кайзера. О том, чтобы поручить миссию в Месопотамии именно Фалькенгайну, просила не турецкая сторона, эта идея была сформулирована в недрах германской Ставки. Автор, однако, по-видимому, заблуждается насчет сроков прибытия Фалькенгайна на турецкие театры военных действий. Назначение в «Йилдырым» он получил после запроса из военного кабинета кайзера, ведавшего всеми назначениями и чинопроизводством, в конце апреля 1917 г., а выехал в Месопотамию позже.

²⁶ О действиях «Йилдырыма» и его британских контрагентов существует богатейшая мемуарная и военно-историческая литература, особенно на немецком и английском языках, а также ряд турецких работ, в том числе переведенных. В 1920-х гг. выходил ежегодник статей и воспоминаний германских ветеранов азиатских фронтов: *Zwischen Kaukasus und Sinai. Jahrbuch des Bundes der Asienkämpfer*. 1921. 1 – 1929. 6. B., 1921–1929. Из новейших работ следует отметить: *Uyar M. The Ottoman Army and the First World War*. Abingdon, 2021, а также переведенную на немецкий и русский языки: *Rogan E. The Fall of the Ottomans: The Great War in the Middle East, 1914–1920*. L., 2015.

²⁷ Вильгельм фон Доммес (1867–1959) считался одним из самых влиятельных генштабистов еще до начала Великой войны, имея крепкие связи в окружении кайзера. После мобилизации он некоторое время служил в политическом отделе Ставки, а затем сделал успешную штабную карьеру. После неудач Фалькенгайна во главе «Йилдырыма» он также лишился своего поста, затем успешно командуя бригадой и дивизией в ходе решающей кампании 1918 г. на Западном фронте. Вышел в отставку в 1919 г. в чине генерал-майора.

²⁸ Вольф барон Маршалл фон Альтенготтерн (1855–1930), германский генерал от кавалерии, отличился в ряде кампаний на Восточном фронте, в 1916–1918 гг. командовал Гвардейским резервным корпусом.

²⁹ Генерал Фредерик Стенли Мод (1864 – 18 ноября 1917) с конца 1916 г. командовал корпусом «Тигрис», состоявшим преимущественно из индийских дивизий. Он скончался в Багдаде от холеры в ноябре 1917 г.

³⁰ Имеются в виду действия русских войск генерала Баратова, о роли которых в поражении османских войск под Багдадом весной 1917 г. автор совершенно напрасно умалчивает, что хорошо видно по воспоминаниям О. Грессманна (см. приложение V). К началу 1918 г. эта угроза была, однако, не актуальна.

в начале войны руководил экспедицией в Афганистан³¹. Части 6-й армии необходимо было оставить и в горах на персидско-турецкой границе под Ревандузом для прикрытия от действий русских.

Удар группы на р. Дияла следовало развивать как можно дальше через Мендели к востоку от Багдада, чтобы отрезать англичан от Басры или заставить их очистить Багдад. Смело задуманная операция не подразумевала серьезные помехи со стороны русских в северо-западной Персии. Знаменитый перевал Пейтак, важнейший из всех в горах Загроса, был противником не занят. Все предшествовавшие действия русских и крайняя сложность наступления по этой лишенной дорог и суровой гористой местности вполне оправдывали подобное отношение в оперативном плане Фалькенгайна.

Я прибыл в Константинополь 20 августа 1917 г. и был размещен в отеле дворца Пера, ведь все остальные гостиницы оставались переполнены. Полковник фон Доммес сообщил мне, что я буду назначен начальником штаба 6-й армии, штаб-квартира которой ныне находится в Мосуле.

21-го меня принял маршал фон Фалькенгайн, с которым я впервые встретился в 1900 г. в Пекине в штабе графа фон Вальдерзее³². Он вспомнил меня по этой встрече в Китае и потому был подкупающе любезен.

Он подробно осветил политическую и военную обстановку в Турции. Вся власть оставалась в руках партийной клики, младотурок. Целью их было обновление здания Османской империи, основанной на единстве принадлежности к исламу. Однако рано или поздно они потерпели бы неудачу из-за арабов.

6-я армия была в плохом состоянии, особенно неудовлетворительным было снабжение. Поэтому первой моей задачей было приведение армии в готовность к участию в операции. Нельзя было терять времени.

Он попытался быстрыми штрихами обрисовать мне образ моего будущего командующего, 35-летнего Халила-паши³³:

«Пьет, играет, любит женщин – словно германский лейтенант кавалерии! Потерял Багдад – однако, несмотря на это, остался командующим армией, ведь он – дядя Энвера³⁴. По-

³¹ На первый взгляд странно, что автор столь коротко упоминает об этом важнейшем эпизоде борьбы за симпатии населения Персии и Афганистана в годы Великой войны, да и лично об О. фон Нидермайере (1885–1948). По-видимому, Э. Параквин хорошо понимал, что и после Первой мировой войны карьера Нидермайера как военного востоковеда и разведчика далеко не окончилась, а потому намеренно избегал деталей, которые могли бы не понравиться цензорам из Рейхсархива.

³² Генерал от инфантерии Э. фон Фалькенгайн в османской армии имел звание мушира (маршала). На одном из этапов своей карьеры он провел ряд лет в Китае, в том числе участвуя (как и Параквин) в подавлении движения ихэтуаней в 1900 г., основную роль в котором сыграл объединенный контингент союзных держав во главе с германским генерал-фельдмаршалом А. фон Вальдерзее (1832–1904).

³³ Халил-паша (позднее – Халил Кут) (1882–1957) был дядей Энвера-паши (его сверстника) с отцовской стороны. Кадровый офицер османской армии, участник младотурецкой революции 1908–1909 гг., итало-турецкой и Балканских войн. В 1914–1915 гг. воевал на Кавказском фронте, участвуя в карательных акциях против армянского населения, затем был отправлен в Месопотамию, где стал одним из основных участников кампании, приведшей к окружению и пленению под Эль-Кутом войск британского генерала Таунсенда, что принесло ему широкую славу и пост губернатора Багдада. В финале Великой войны попал в британский плен, однако смог бежать из Константинополя, оказавшись в Москве, где сыграл немалую роль в установлении советско-турецких контактов на грани военного союза. Жил в эмиграции в Берлине. Смог вернуться в Турцию лишь в 1923 г., в политической жизни в дальнейшем участия не принимал.

³⁴ Энвер-паша (1881–1922), один из самых известных турецких военных деятелей XX в. Кадровый офицер, убежденный германофил, прошедший ряд лет военным атташе в Берлине. Участник младотурецкой революции, итало-турецкой, Балканских и Первой мировой войны. Военный министр Османской империи в 1914–1918 гг., один из организаторов вступления Турции в Великую войну и германо-турецкого военного альянса. Вплоть до конца октября 1918 г. занимал пост заместителя (фактического) Главнокомандующего османской армии. Бежал в Германию, осужден за военные преступления. В 1920 г. после неоднократных попыток нелегально прибыл в Советскую Россию, где активно сотрудничал с большевистским руководством. Направлен в Среднюю Азию, где в 1921 г. поднял мятеж против советской власти, пытаясь объединить вокруг себя разрозненные силы басмачей под панисламскими лозунгами. Убит в бою.

видимому, не без энергии и личной храбрости, однако в оперативных понятиях совершенно не смыслит!»

И Фалькенгайн отпустил меня с призывом поддерживать дружеские отношения с турками, насколько это вообще возможно наряду с энергичным отстаиванием интересов дела в целом.

Беседы с маршалом, полковником фон Доммесом, германскими и турецкими офицерами Генштаба и знатоками этой страны позволяли вполне ясно понять, что подготовка к столь масштабно задуманной операции продвинулась не особенно далеко. При краткости имеющегося в распоряжении срока – максимум четыре месяца – отмечалась известная нервозность.

Со всех сторон навалились проблемы делового и личного характера. Преодоление их осложнялось тем, что штаб, который пополнялся все новыми работниками, до сих пор еще не был способен вести отлаженную работу. В Константинополе было невозможно получить четкое представление относительно истинной обстановки в Месопотамии. Сначала я излучал вполне понятый оптимизм недавно прибывшего из Европы, не веря в безотрадные описания моих собеседников, ссылавшихся на рассказы и доклады других лиц, ведь ни один из них не видел положение 6-й армии собственными глазами. Кроме того, я часто сталкивался с тем типом германского офицера, который считает ложным и вредным по умолчанию все то, с чем он сталкивается в других странах, включая их традиции, не соответствующие тому, к чему он привык на Родине. Такие люди не способны дать беспристрастную оценку принятым за рубежом порядкам. Поэтому я настоял на скорейшем выезде на фронт, чтобы как можно скорее составить собственное представление о ситуации.

Моя поездка откладывалась, ведь пришли известия, что реализация экспедиции по отво-
еванию Багдада оказалась под вопросом.

В 4-й турецкой армии в Палестине получали все больше донесений от агентов о том, что англичане перебросили крупные подкрепления. Прибытие с европейского театра военных действий знаменитого генерала Алленби³⁵ позволяло предполагать возобновление наступления британцев уже с началом прохладного осеннего периода. Джемаль-паша³⁶, командующий 4-й армией, не был уверен в том, что его войска смогут выдержать атаку превосходящих сил противника. Поэтому он запросил у заместителя Верховного Главнокомандующего³⁷ Энвера-паши отправки 7-й армии в Палестину.

Один взгляд на карту³⁸ показывает, что, прежде чем задумываться об операции против Багдада, необходимо было обеспечить турецкий фронт в Палестине. Ход последующих событий, осенью 1918 г., доказал, что турецкая армия в Месопотамии была обречена, если только англичане продвинулись в Сирию, перерезав ее единственную железнодорожную ветку, связывающую с Анатолией под Халобом (Алеппо).

³⁵ Эдмунд виконт Алленби (1861–1936), британский фельдмаршал. Участник англо-бурской войны, командовал рядом подразделений на Западном фронте, но не слишком удачно. В 1917 г. получил назначение в Египет, прославился осенним наступлением 1917 г., которое привело к взятию Иерусалима 9 декабря 1917 г. Смог развить успех лишь осенью 1918 г., добившись полного развала турецкого фронта и продолжив наступление до Алеппо. В дальнейшем возглавлял колониальную администрацию в Египте и Судане.

³⁶ Ахмед Джемаль-паша (1872–1922), один из лидеров младотурок, член триумvirата, морской министр Османской империи. Кадровый офицер, участник Балканских войн. Имел славу сторонника Антанты (не вполне заслуженную, по мнению Кресса фон Крессенштейна: *Kreß von Kressenstein, Lebenserinnerungen*. S. 74–75), не раз вызывал подозрения германских союзников в неояльности и тайных сепаратных переговорах. В 1914–1918 гг. руководил войсками Центральных держав на фронте в Палестине, успеха не имел, несмотря на жесткие репрессии против неояльных османским властям арабских повстанцев. После поражения Турции бежал в Германию, был заочно приговорен к смертной казни. Позднее с помощью Советской России переехал в Афганистан, курировал советско-афгано-германское сотрудничество. Был убит в Тифлисе в 1922 г. членами «Дашнакцутюн». Автор мемуаров.

³⁷ Верховным Главнокомандующим османской армии был лично султан Мехмед V Решад (1844–1918), ставший султаном после свержения Абдул-Хамида II в ходе младотурецкой революции, а после его смерти в июле 1918 г. его преемник Мехмед VI Вахидэддин (1861–1926), ставший последним султаном Османской империи в 1918–1922 гг.

³⁸ См. форзац.

Османское Верховное Главнокомандование все же не сделало необходимых выводов из данных соображений. Ведь иначе оно было бы обязано принять решение добиться полной оперативной свободы в первую очередь за счет атаки на англичан в Палестине. Если бы туркам удалось одержать решительную победу под Газой, можно было бы или вернуться к старому плану наступления к Суэцкому каналу³⁹, или провести наступление силами «Йилдырыма» на Багдад.

Однако турецкие войска не были достаточно сильны, чтобы одновременно и удерживать фронт в Палестине от любых атак англичан, и атаковать Багдад. Поэтому запрос Джемал-паши поставил турецкую Ставку в немалое затруднение.

Ведь она уже спешно договорилась с Германией об операции под Багдадом. Вполне понимали, какое чрезвычайное значение союзники Турции придавали отвоеванию Багдада. На цели операции «Йилдырыма» в Турцию хлынули дюжины миллионов золотом, которых не хватало и самой Германии. И теперь самим же уничтожить те надежды, что пробудили ранее? С чисто восточной недалёковидностью неприятное решение откладывали день за днем. Я вспоминаю, что Фалькенгайн как-то раз пришел в ярость. Он уже договорился о встрече с Энвером и Джемалем, но оба просто не пришли.

Как и всегда в таких случаях, выбранный в конце концов вариант уже был худшим решением. План действий «Йилдырыма» не стали менять, однако одну из дивизий 7-й армии передали в 4-ю армию. Вполне следовало предполагать, что подобная полумера не сможет дать гарантию прочности турецкого фронта в Палестине. И в тайне турецкая Ставка все же надеялась, что опасения нового английского наступления на Иерусалим позднее окажутся необоснованными. Но что же будет, если действительно последует мощная атака англичан, а 4-я армия вновь обратится за помощью? И тогда неизбежным станет дальнейшее ослабление 7-й армии.

Вот на таких шатких основаниях операцию против Багдада выстраивать было нельзя. Да и отстаиваемое Джемалем-пашой использование всех сил 7-й армии только для обороны в Палестине тоже не могло дать желаемого результата. Поэтому Фалькенгайн предложил османской Ставке атаковать силами 4-й и 7-й армий и германского Азиатского корпуса англичан под Газой. Однако все подготовительные меры и для операции под Багдадом следовало продолжить. Как только будет одержана решительная победа на фронте под Газой, сразу же после нее должна была последовать и атака на Багдад.

Замысел был ясен и прост. Однако сомнительно, что хватило бы времени: задействовать 7-ю армию осенью 1917 г. в Палестине, а после ожидающихся тяжелых боев уже в январе 1918 г. подготовить ее к новой операции на Евфрате⁴⁰. Таким образом, видимо, был неизбежен перенос операции против Багдада на осень 1918 г.

Энвер-паша не смог уклониться от давления обстоятельств. Он вынужден был сообщить германскому Верховному Главнокомандованию, что из-за ситуации в Палестине необходимы изменения в запланированных в Азии операциях. Полковник фон Доммес 25 августа выехал в германскую Ставку, чтобы лично доложить Людендорфу⁴¹ об обстановке.

³⁹ Германо-турецкие войска (действия которых координировал полковник Ф. Кресс фон Крессенштейн) в 1915–1916 гг. дважды предпринимали операции против Суэцкого канала, однако решительных успехов не добились, хотя вынудили Британскую империю выделить крупные силы для защиты Египта. См. подр.: Kress von Kressenstein. Lebenserinnerungen. S. 74–91, 329–611. Определенные основания для оптимизма османской Ставке в 1917 г. внушала оборонительная победа войск Центральных держав в первом и втором сражениях за Газу в марте – апреле 1917 г., которая спровоцировала и формирование «Йилдырыма», и резкое наращивание военных усилий британцев в регионе, что возымело роковые последствия для османских войск в ходе осенней кампании того же года. Один из творцов успешной обороны турок в Палестине Кресс фон Крессенштейн прямо обвинял в последующих их неудачах Э. фон Фалькенгайна, а тот возлагал ответственность именно на этого баварского полковника. См. подр.: Friedrich Freiherr Kress von Kressenstein. Lebenserinnerungen. S. 82–87.

⁴⁰ Это было очевидно с учетом степени развития инфраструктуры в Передней Азии, делавшей переброски такого темпа невозможными.

⁴¹ Э. Людендорф (1865–1937) с 29 августа 1916 г. – после затяжного конфликта с Э. фон Фалькенгайном – занимал пост 1-го генерал-квартирмейстера и фактически руководил германской Ставкой, находившейся в описываемый период в Кройцнахе

В тот же день маршал фон Фалькенгайн вызвал меня к себе и заявил, что в любом случае, раньше или позже – зависит от развития ситуации в Палестине, но 6-я армия должна будет атаковать. Поэтому в мою задачу входит подготовка этого наступления. Сам он на этот раз описал ситуацию со снабжением армии как безотрадную. Один гамбургский коммерсант, господин Браун, которого он отправил для проверки положения, сможет дать мне более полную информацию в Халебе. К сожалению, с незаменимой здесь твердой валютой некоторые перебои, однако он надеется, что сможет отправлять мне еженедельно по 100 тысяч турецких фунтов (то есть 2 миллиона марок⁴²) золотом.

Утром 27 августа я выехал в Халеб.

Поездка по Малой Азии заняла шесть дней. В Конье я использовал остановку, чтобы осмотреть знаменитый памятник эпохи Сельджукидов, гробницы в мечети Алаэддина⁴³ с высокими белыми тюрбанами на гробницах, а также главный монастырь танцующих дервишей, которых я уже встречал в Стамбуле⁴⁴. Добрую память сохранил я о скалистой, но частью поросшей густым лесом котловине Карапунар (то есть «черный источник»), где пока оканчивалась основная часть Багдадской магистрали. Здесь после тяжелой поездки по жаре я смог весьма основательно помыться и взбодриться, а затем уютно посидеть вечером на свежем воздухе на удобном стуле перед офицерским казино, наслаждаясь мирно заходящим за отроги Тавра солнцем. Ранним утром 31 августа началась авантюрная 5,5-часовая поездка по узкоколейке через горы, ведь туннель в Тавре до сих пор не был открыт. К несчастью, здесь нередко были падающие блоки, а также сходы с рельс. Вагоны одного из недавно перевернувшихся составов узкоколейки в беспорядке валялись на склонах. Вдоль всей дороги рядом с рельсами лежали бесчисленные и полуобгоревшие тюки с хлопком. Лишь малая часть отправляемых ценных грузов достигала Германии. Слишком уж велика была опасность возгорания от искр для открытых платформ, ведь топили дровами. В Гелебеке (то есть «бабочка»), поселении, основанном на Багдадской магистрали для строительства на другой (восточной) стороне недостроенного Таврского туннеля, – который и действительно осел здесь лишь ненадолго, словно бабочка, – начинался восточный участок полномасштабной магистрали.

Днем 2 сентября мы прибыли в Халеб. Первым стойким ощущением стало зрелище мощной цитадели, которая возвышалась своими огромными дымовыми трубами – похожими на фабричные трубы во французском индустриальном районе в Артуа – над этим городом с некоторым налетом Запада. Я встретил любезный прием у германского коммерсанта Флехзига.

Важнейший из моих визитов был к господину Брауну. Он был по происхождению англичанин, но в начале войны принял германское подданство⁴⁵. Он провел много лет в Ираке, представителем крупной гамбургской фирмы «Вёнкхаус и Ко»⁴⁶. Не было сомнений в том, что он весьма основательно знал эту страну. Без всяких красивых фраз он деловито описал мне положение 6-й армии со снабжением и транспортом как крайне серьезное, а потому полагал, что любой замысел наступления на Багдад следует совершенно исключить. Он был первым, кто

(до начала марта 1918 г.).

⁴² Автор имеет в виду довоенный устойчивый курс, который в 1917 г. продолжали учитывать по привычке, хотя девальвация валют шла с различной скоростью, а золотое обеспечение их и до войны, и особенно во время оставляло желать много лучшего. Золотой стандарт Прекрасной эпохи ушел в историю во всех воюющих странах задолго до 1917 г.

⁴³ Имеется в виду основатель одного из суфийских орденов Джалаладдин Руми (1207–1273), один из самых почитаемых богословов и поэтов исламского Средневековья.

⁴⁴ Так в тексте, хотя до 1930-х гг. это название редко употреблялось даже в самой Турции, ведь город по-прежнему официально назывался Константинополем.

⁴⁵ Поэтому его фамилия приводится автором в ее исходном написании: Brown.

⁴⁶ Главой этой гамбургской фирмы, владевшей тогда несколькими торговыми факториями на Персидском заливе, был Роберт Вёнкхаус (1874–1953). См. подр.: *Brodacki O. Hamburg und der Persische Golf. Ein Kapitel wilhelminisch-deutscher Wirtschaftsgeschichte // Zeitschrift des Vereins für Hamburgische Geschichte. 1991. 77. S. 37–76.*

уже тогда опасался голода в Месопотамии, и потому выступал за немедленный вывоз животных и людей в более плодородные области.

5 сентября представилась возможность продолжить поездку в Мосул, где находилась штаб-квартира 6-й армии. Я ехал в товарном вагоне с двумя германскими офицерами – сапером и летчиком, которые направлялись туда же. В три часа пополудни мы пересекли Евфрат у Джераблуса по 800-метровому мосту, на том историческом месте, где в сражении при Кархемише в 605 г. до Р. Х. Навуходоносор Вавилонский наголову разбил египетского фараона Нехо⁴⁷. В степи уже показались похожие на пчелиные ульи глинобитные хижинки – губабы, характерные формы которых можно видеть на изображениях еще ассирийских времен. По обе стороны железной дороги все больше было и насыпных куч, как правило, конусовидной формы, которые называют «телль». Они остались от руин бывших крупных поселений, указывая их местонахождение. Пауль Рорбах⁴⁸, с которым я познакомился во время моего прикомандирования к Большому Генеральному штабу в 1911–1913 гг., уделял вопросу об этих «телль» большое внимание и сделал немало интересных выводов об ареале их распространения, однако это поле для исследований и сегодня еще можно считать непочатым краем. Здесь можно получить важные сведения о происхождении и характере населения в различные исторические эпохи.

Около полудня 6 сентября мы прибыли в Телль-Хелиф, где действующий участок железной дороги пока что оканчивался. Шла постройка следующего участка, до Нисибина. На выжженных солнцем унылых степных просторах мы встретили любезный прием в маленьком лагере из палаток и глинобитных хижин, принадлежавшем германским тыловым инстанциям.

Бравые бенедиктинки из обители Тутцинг, что на Штарембергском озере в Верхней Баварии, предложили нам простую трапезу и подали освежающий чай. Позднее я встретил в Мосуле и других членов этого ордена.

Я хотел бы с искренней признательностью вспомнить об этих немецких женщинах, там, на самом переднем краю, отдававших все свои силы посреди опасностей смертоносного климата, тяжких болезней и боевых действий в пустыне, ведь у них никогда не иссякала любовь к ближнему, с которой они трудились в столовых и госпиталях в Месопотамии.

На фоне заката на горизонте поднимались отвесные горы, которые потом на севере, за бесконечными степными просторами, закрывают по-царски расположенный Мардин. Наряду с недалекой Дарой (где я посетил руины римской и византийской эпохи)⁴⁹ и Нисибином это были важнейшие приграничные крепости римлян и византийцев на границе с «Диким Востоком».

Впервые я наслаждался величественными чарами звездной ночи в пустыне. И сегодня еще, более двадцати лет спустя, меня охватывает ностальгия по этому неописуемому зрелищу, что открывается в ясной усеянной светилами ночи над молчащей степью, а тогда я мог месяц за месяцем любоваться ею с моей походной кровати на крыше моего дома в Мосуле.

Ранним утром 7 сентября я отправился на автомобиле через пылавшую жаром степь к ближайшему тыловому лагерю в Демир-Капу (то есть «железные ворота»). Комендантом в этой специфической местности вулканического происхождения – где выплескивавшиеся прямо из земли потоки базальта теперь были источены песками пустыни до самых причудливых форм – служил один ветеран германских кампаний в Юго-Западной Африке⁵⁰. О нашем «менаже»⁵¹

⁴⁷ Имеются в виду события 605 г. до н. э. В Кархемише в 1911–1914 г. велись очень успешные раскопки под патронажем Британского музея, поэтому автор столь хорошо осведомлен о значимости этого города в древней истории.

⁴⁸ Пауль Рорбах (1869–1956), один из самых авторитетных «специалистов по России» в Кайзеррейхе, теолог, публицист, путешественник, посещавший в том числе Персию и Месопотамию. Был известен своими русофобскими и украинофильскими взглядами, культуртрегерством и поддержкой формирования государств-лимитрофов в Восточной Европе. Пользовался авторитетом в военных и дипломатических кругах Кайзеррейха, Веймарской республики и Третьего рейха, часто привлекался для экспертизы по различным вопросам.

⁴⁹ Имеется в виду Дура-Эвропос, крепость для отражения натиска Сасанидского Ирана между Нисибином и Мардином.

⁵⁰ Автор имеет в виду главным образом подавленные в 1904–1907 гг. с крайней жестокостью восстания против германской

позаботился фельдфебель из австро-венгерской автоколонны, приданной 6-й армии. В ходе пешей прогулки по окрестностям лагеря я обнаружил на скалах редкие примитивные сцены охоты и фигуры верблюдов, а также небольшие орудия из обсидиана, которые напоминали кресала времен каменного века. Ночью мне мешал спать жалобный вой шакалов, подступавших к самым палаткам. Ежевечерне мне приходилось слышать, сидя в моем доме в Мосуле на берегу Тигра, их плачущие голоса, когда они спускались мимо земляных валов Ниневии, чтобы утолить жажду из реки.

8 сентября 1917 г. около 10:30 утра я прибыл в Мосул. Мольтке побывал здесь весной 1838 г., то есть 79 лет назад. Однако он прибыл по Тигру на келлеке⁵².

Тонкие минареты большой мечети давно уже известили о близости большого города, пока я ехал по пустыне. И вот я уже еду по запыленным кладбищам, расстилающимся перед полуразрушенной городской стеной, а затем – развилка грязных дорог к дому на Тигре, где жил мой предшественник господин фон Кречмар⁵³, здоровье которого не выдержало жаркого климата, так что он теперь нетерпеливо дожидался смены.

Я и сейчас хорошо помню тот момент, когда вступил с залитой ярким светом улицы в затемненный широкий курдским шатром двор дома и бросил взгляд через дверь на голубой Тигр и земляные валы древней Ниневии с возвышающейся на старом храмовом холме мечетью Неби Юнус⁵⁴ на другом берегу.

Однако на исторические размышления и любование окружающими красотами не было времени. Настоящее неотступно требовало своего.

колониальной администрации племен гереро и нама. Для целого ряда германских офицеров этот опыт стал важнейшей возможностью поучаствовать в настоящих боевых действиях, так что усвоенную крайнюю брутальность в действиях они затем перенесли на фронты Великой войны.

⁵¹ Баварский офицер Э. Параквин не упускает возможности поиронизировать над принятыми у австрийцев специфическими выражениями, где сохранилось немало галлицизмов, искорененных из обихода, особенно в военной среде, в годы правления Вильгельма II, а тем более с началом Великой войны.

⁵² Г. фон Мольтке – старший (1800–1891), германский генерал-фельдмаршал и основатель всемирной славы прусского Генерального штаба. Важнейшим этапом его карьеры, положившим начало германо-османскому сотрудничеству на протяжении почти столетия, стала командировка прусского офицера Мольтке в Османскую империю в 1835–1839 гг., где он пытался реорганизовать обучение войск и общее устройство армейских инстанций, добившись лишь относительных успехов. На основе его миссии и сложилась почти вековая история прусско-германской военной помощи Османской империи. См. подр.: *Wallach J. L. Anatomie einer Militärhilfe. Die preussisch-deutschen Militärmissionen in der Türkei 1835–1919*. Düsseldorf, 1976. Келлек – местная разновидность речного баркаса.

⁵³ Кречмар Вильгельм Иоганн (1871–1940), подполковник, специалист по железнодорожному строительству, в 1916–1917 гг. был начальником штаба 6-й османской армии, дослужился до генерал-майора.

⁵⁴ Мечеть Наби Юни с могилой пророка Ионы была взорвана в 2014 г. боевиками ИГИЛ.

Отказ от отвоевания Багдада

6-я армия все еще находилась в состоянии, постигшем ее после падения Багдада полугодом ранее, весной 1917 г., когда она вынуждена была с тяжелыми потерями отступить из плодородного Ирака в пустынные окрестности Мосула.

В местностях, богатых водой, и в окружении прилежно возделываемых полей под Багдадом в армии попросту не было ведомства, занимавшегося снабжением. Людей и животных без труда обеспечивали довольствием расстилавшейся вокруг страны с ее полями зерновых и плантациями финиковых пальм. Внезапное отступление в вилайет Мосул, представлявший собой почти неосвоенные степные или гористые территории, поставило перед армией задачи, к которым она была не готова.

Теперь уже за счет местных ресурсов войска было не прокормить. 18-й корпус стоял под Тикритом на Тигре, а вокруг него была редко населенная степь. 13-й корпус был оттеснен на позиции по обе стороны Диялы, на унылых утесах. Передовые посты этого корпуса удерживали лишь небольшие остатки плодородной долины Бакуба. Одна отдельная дивизия закрывала долину Евфрата к северо-западу от Хита. Персидская жандармерия с шведскими офицерами, перешедшими на германскую службу⁵⁵, вместе с небольшими отрядами турок блокировала перевалы в горах под Сулейманией и Ревандузом от рейдов русских войск в Персии. Протяженность фронта армии от Евфрата до левого ее крыла в горах Курдистана составляла примерно 450 км. Длина тыловых коммуникаций 18-го корпуса от конечного пункта железной дороги до передовой достигала 400 км.

Таким образом, армия внезапно оказалась перед необходимостью организованного подвоза продовольствия из глубины страны, ведь каких-либо тыловых учреждений в вилайете Мосул и на Тигре не было, так как в Ираке довольствие осуществлялось за счет местных ресурсов, а все остальное доставлялось по Евфрату.

Первое время войска самостоятельно выходили из положения. Они собирали все обнаруженные у населения припасы, до которых только могли дотянуться. Порой там, где не было транспортных средств, новый урожай ячменя пришлось скормить еще на полях. Но вскоре сложности в снабжении проявились в полной мере.

После прекращения возможности выпаса животных пришлось перевести на рацион в один-два килограмма ячменя ежедневно. Другого фуража фактически не было.

При отсутствии какой-либо организации складированные запасы от прежних урожаев уже были бесполезны. А новый урожай либо не убрали, либо потравили еще на полях. Всю организацию тыла и взаимодействия с вали (то есть главой местной администрации) вилайета Мосула пришлось в принципе налаживать заново. А пока что следовало покрыть хотя бы самые насущные потребности за счет закупок.

Одновременно следовало немедленно обустроить линии коммуникаций для корпусов. Для 18-го корпуса оставались только келлеки (речные суда мелкого тоннажа), то есть судоходство по Тигру, а сообщение грузовиками было очень ограничено. В 13-м корпусе снабжение можно было осуществлять только гужевыми колоннами и прежде всего караванами верблюдов, ведь остававшиеся колонны грузовиков были необходимы для обеспечения потребностей армии на 270-километровом участке ее громадного тыла между конечным пунктом железной дороги и Мосулом.

⁵⁵ При крайне осторожной позиции официальной Швеции германофильство части ее правящих кругов, двора и особенно офицерского корпуса было очевидно. Многие шведские офицеры отправились добровольцами сражаться в германские войска, а шведские офицеры, служившие в реформируемой с 1911 г. персидской жандармерии, с началом активных боевых действий на территории Персии весной 1915 г. в большинстве своем открыто встали на сторону Центральных держав, а частью перешли на германскую службу, продолжая участие в Великой войне вплоть до ее завершения поздней осенью 1918 г.

Новые проблемы доставило обустройство судоходства на келлеках. Келлек – это транспортное средство древнего образца, которое было увековечено еще на ассирийских рельефах. Это судно, у которого несущая поверхность представляет собой тонкий деревянный настил на надутых бурдюках. Запасов бараньих шкур (турлумб) и деревянных штанг в Мосуле не было. Древесину приходилось доставлять издалека – из района Дехезире и Сахо, где его закупали, а потом сплавляли по Тигру. Потребность в бараньих бурдюках вообще нельзя было покрыть в полосе действий 6-й армии. Помощи запросили в соседних армиях, однако они, разумеется, не поспешили откликнуться на эту просьбу. Потребность в древесине была очень велика, ведь отправить обратно уже использованные при сплаве доски для их повторного применения было невозможно. Так что турлумбы уже у конечного пункта спускали и отправляли в Мосул автомобилями. Прошли месяцы, прежде чем удалось устроить сколько-нибудь регулярное сообщение на келлеках.

В 13-м корпусе довольно скоро выяснилось, что при больших расстояниях небольшие выючные животные по пути съедают чуть ли не весь их груз, так что их рейсы оканчиваются уже без полезного груза. При длившихся целыми днями переходах по степным просторам, из-за отсутствия тыловых складов необходимо было, чтобы каждый осел, мул или лошадь несли на себе и свой запас фуража на весь путь. Таким образом, спустя короткое время эти выючные животные уже были исключены из процесса транспортировки. Оставались только верблюды (дромадеры). С началом холодного сезона их владельцы отогнали стада на юг, ведь эти животные не выносят более холодного и промозглого зимнего климата. И никакие самые заманчивые предложения не смогли бы отвратить их от этой насчитывающей тысячелетия и основанной на климатических и продовольственных соображениях привычки. Так что оставались лишь неповоротливые колонны повозок, запряженные быками и буйволами. Уже в августе – то есть еще до откочевки верблюдов – в 13-м корпусе начался серьезный транспортный кризис.

Необходимость крупных закупок продовольствия и средств транспорта вызвала нарастающие потребности армии в деньгах. Их можно было покрыть лишь в ограниченном объеме за счет османского военного министерства, причем бумажными банкнотами. Однако местное население купюры брать не желало – на основании прежнего неудачного опыта и врожденного недоверия всех восточных людей к этому платежному средству, – а потому требовало оплаты монетой. Несмотря на категорические приказы и драконовские штрафы, которые тогда наложил вали Хайдар-бей, чтобы заставить принимать в оплату бумажные деньги по равному с монетами курсу, перемен добиться не удалось. Арабские купцы спокойно позволяли полицейским прибавлять себя к ставням их лавок за мочки ушей по приказу вали, но по существу не отступали ни на шаг.

Официальная торговля быстро замерла, а на ее место пришел черный рынок. Тыловые органы уже не могли провести никаких закупок. И где хотя бы в оптовой торговле еще удавалось добиться приема платежей купюрами, теперь – словно в насмешку над всеми официальными распоряжениями – был установлен курс, по которому фунт ассигнациями был равен 17 пиастрам монетами, то есть равнялся 1/6 стоимости по официальному курсу.

Огромная убыль выючных животных при отступлении так и не была возмещена. В корпусах не хватало 9 тысяч голов от штатной численности тяглового скота. Еще 5 тысяч голов было необходимо, чтобы оснастить армию обозами и парками, тем самым сделав ее способной к операции, а к тому времени, осенью 1917 г., она еще таковой не была. Многочисленные формирования, в том числе легкие парки, имели упряжки с медлительными быками и буйволами, так что они не могли выдерживать общий темп с конными частями, а постоянно отставали в ходе дневных переходов. Необходимо было произвести замену на мулов и лошадей. Потребность в лошадях в вилайете Мосул удовлетворить было нельзя, даже если полностью парализовать сельское хозяйство – прежде всего, обработку наследственных наделов и подвоз продовольствия для населения, что и в принципе было невозможно.

Большую убыль личного состава также было никак не покрыть. Армия тогда насчитывала около половины боевого состава. За первые 6 месяцев после отступления с боями только дезертировало до 7 тысяч человек. При этом речь шла не о ненадежных курдских или арабских элементах, а о ядре османской армии – анатолийских солдатах. Так как Турция вступила в Мировую войну сразу же после боев в Йемене и Триполитании, а также обеих Балканских войн⁵⁶, то многие из них уже служили по пять-восемь лет. Плохое и скудное снабжение и тоска по родине вынуждали даже этих терпеливых и послушных жителей Малой Азии дезертировать толпами. Все попытки призвать в армию арабскую молодежь в вилайете Мосул оканчивались провалом, ведь едва оставшись без надзора рекруты бежали, да еще и продавали свое оснащение и оружие бедуинам. Да и с курдами было то же самое.

Столь же слабым было снабжение и военными материалами. За незначительными исключениями в войсках не было никакого телефонного оборудования. Когда же позднее я приказал одной батарее в Джебель-Хамрин открыть огонь по английскому лагерю, то мне сразу бросилось в глаза, что связь между наблюдателями и самой огневой позицией поддерживалась только порученцами. Задав соответствующие вопросы, я узнал, что на батарее нет телефонного оборудования со времен кампании в Дарданеллах⁵⁷. Да и оснащения для забираемых для нужд армии животных и повозок тоже не было. Обмундирование и обувь затмевают любые попытки их описания. Личный состав в прямом смысле ходил в лохмотьях, в разорванных башмаках, а то и босой. Оснащение у авиации тоже находилось в плачевном состоянии. Большая часть грузовиков была уже непригодна.

Складов для пополнения парков в случае наступления и специальных лагерей с топливом для автоколонн, авиации и радиостанций не имелось. Потребность в горючем для грузовиков при расстояниях в почти 1000 км, которые предстояло проехать на пути между конечным пунктом железной дороги и передовой, а затем обратно, была при этом столь велика, что она поглощала треть вообще всего доставляемого этими же машинами снабжения армии. Поэтому нужны были большие хранилища бензина и нефти, ведь иначе снабжение прекратилось бы прямо во время наступления.

Пропускной способности Хайдар-паша (вокзала в азиатской части Константинополя), а тем более станции Телль-Хелиф, конечной на железной дороге, а также имевшихся в распоряжении армии транспортных средств и денег в монете и близко не хватало, чтобы как-то покрыть все эти потребности. Важнейшая из всех, длиной около 350 км тыловая проселочная дорога Мосул – Киркук – Кифри – фронт 13-го корпуса на Дияле была на большей части своего полотна непригодной для грузовиков, прежде всего для действительно тяжелых, с обилием стальных частей германских трехтонок. И хотя штаб «Йилдырыма» приказал 18 августа с середины сентября сделать эту дорогу подходящей для грузовиков, чтобы можно было приступить к размещению сети военных складов для фронта, однако просто выполнить этот приказ было невозможно, что привело лишь к нарастающей нервозности вышестоящих инстанций, которые пытались свалить на подчиненных ответственность за эти поспешные и заведомо невыполнимые распоряжения. Ни на Тигре под Мосулом, ни на обоих Забах⁵⁸ не было мостов, по которым могли бы проехать грузовики. Много раз запрашиваемые материалы для их строительства не прибыли. Древесина и прочие материалы в вилайете отсутствовали. Рабочую силу черпали из состава армии или из местного населения, однако в крайне недостаточном количестве и без должного оснащения орудиями труда, отправляя в унылую гористую местность, так что

⁵⁶ Имеются в виду серия с трудом подавленных восстаний зейдитов в Йемене в 1904–1911 гг., итало-турецкая война 1911–1912 гг., Балканские войны 1912–1913 гг.

⁵⁷ Она продолжалась с конца февраля 1915 г. до 9 января 1916 г., окончившись очень трудной, но стратегически важнейшей победой Центральных держав, после которой зависимость Османской империи от военной помощи Германии стала абсолютной.

⁵⁸ То есть на реках Большой и Малый Заб.

еще и обеспечение их питанием тут же вызывало дополнительные трудности. Отданные моим предшественником распоряжения представляли собой образцовое исполнение своих служебных обязанностей, однако с самого начала не было сомнений в том, что будет совершенно невозможно выполнить их к указанному сроку. Но из-за этого откладывалось и формирование незаменимых для наступления складов, тем самым готовность армии к операции оказалась отодвинута на неопределенный срок.

Из данного описания видно, что самой важной предпосылкой для наступления на Багдад было увеличение личного состава армии почти наполовину, а животных – на 14 тысяч голов, да и доставить предстояло бесчисленное количество совершенно незаменимых материалов.

Однако реальная обстановка не позволяла прокормить даже уже имеющихся в распоряжении людей и животных. Каждый день уже тогда подыхали дюжины голов нашего скота. Личный состав страдал от бескормицы.

Последняя же причина плохой ситуации со снабжением, не считая местных условий пустынных земель вилайета Мосул, заключалась в недостаточной провозоспособности Анатолийской и Багдадской магистралей, невзирая на все усилия в этом направлении, а также в слишком большой дистанции до конечного пункта железной дороги от фронта 6-й армии. При таких обстоятельствах всего за несколько месяцев добиться перемен к лучшему не смогла бы ни одна держава в мире. В штаб-квартире «Йилдырыма» я узнал, что маршал Лиман фон Сандерс⁵⁹ постоянно призывал обратить внимание и предупреждал Фалькенгайна об этом. Однако успеха он не добился.

С самого начала, таким образом, возникли неразрешимые противоречия между необходимыми для наступления условиями и реальной обстановкой. В оставшееся у нас время добиться решительных перемен к лучшему в отношении довольствия и транспортного обеспечения 6-й армии было невозможно.

Такова была общая картина, вполне ясно и отчетливо сложившаяся у меня после подробных бесед и обсуждений в Константинополе, Алеппо и Мосуле. Задача сделать к январю 1918 г. 6-ю армию способной к проведению наступательной операции была изначально невыполнимой.

Из разговоров с Фалькенгайном и Доммесом я вынес впечатление, что всю серьезность положения в штабе «Йилдырыма» еще не осознали. Произведенная маршалом в мае⁶⁰ этого года поверхностная рекогносцировка была явно недостаточной, чтобы после нее составить действительно верное представление. Турки сознательно утаивали от него – с истинно восточной вежливостью желая избавить начальника от любых неприятных впечатлений – всю безнадежность сложившегося положения. Частично же они и сами еще не поняли этого, частично им стало ясно лишь в последние месяцы лета 1917 г.⁶¹

⁵⁹ Отто Лиман фон Сандерс (1855–1929), генерал от кавалерии и османский маршал. Руководитель германской военной миссии в Турции в 1913–1918 гг. В годы Великой войны руководил обороной Дарданелл, в начале 1918 г. сменил Фалькенгайна на посту главы группы армий «Йилдырым» и Азиатского корпуса. После интернирования и возвращения в Германию вышел в отставку. Автор мемуаров. Отличался чрезвычайно тяжелым характером, серьезно осложнив взаимоотношения германских и османских генштабистов.

⁶⁰ В единственной современной биографии Фалькенгайна указывается, что Э. фон Фалькенгайн прибыл 9 мая и встретился с Энвером, а 13–29 мая в сопровождении О. фон Лоссова посетил оба турецких фронта, в Месопотамии и Палестине. Затем он выехал обратно в Германию – добиваться наращивания военной помощи для решения поставленных тяжелейших задач. К сожалению, глава о более девяти месяцах пребывания Фалькенгайна в Османской империи в этой книге очень коротка – около двенадцати страниц, еще три страницы описывают его вклад в предотвращение карательных акций против евреев-сионистов в Палестине осенью 1917 г. См.: *Afflerbach H. Falkenhayn: politisches Denken und Handeln im Kaiserreich*. München, 1994. S. 471–485. Некоторые фрагменты дневника приводятся и в первой и единственной официальной биографии Фалькенгайна: *Zwehl H. v. Erich v. Falkenhayn, General der Infanterie: eine biographische Studie*. B., 1926. S. 266–298.

⁶¹ Тем не менее следует иметь в виду, что при всех ошибках и недооценке отдельных трудностей в действиях Фалькенгайна прослеживается немалая настойчивость и логика, что признавали и его оппоненты. Именно Фалькенгайн, пользуясь своими связями в Берлине, особенно в военном министерстве, добился резкого увеличения объемов германской военной помощи Османской империи на периферийных фронтах, он сумел существенно нарастить силы Палестинского фронта, добиться мас-

Мне казалось, что крайне необходим новый разговор с маршалом фон Фалькенгайном. И когда через телетайп я узнал, что он отправляется через Алеппо в короткий визит на фронт под Газой, я решил сопроводить моего предшественника на его обратном пути, а прибыв в Алеппо, попросить о беседе с маршалом.

13 сентября мы прибыли туда, а 14-го Фалькенгайн вызвал нас к себе. Он был весьма раздражен столь сложно разрешаемыми проблемами, которые со всех сторон громоздились, угрожая запланированной им операции. Опыт, который до сих пор ему удалось получить в Турции, был каким угодно кроме обнадеживающего. И когда разговор зашел об Энвере, то негативный и обвинительный тон, в котором о нем говорил Фалькенгайн, отчетливо указывал на то, сколь низкого он мнения о турецком вице-генералиссимусе.

Поначалу он был удивлен, что я счел необходимой повторную нашу беседу, однако затем, видимо, вполне с этим согласился, ведь положение уже изменилось. Поначалу он в моем присутствии выслушал подробный отчет моего предшественника, хотя и с видимым нетерпением. Когда же тот необдуманно заговорил о том пессимизме, который чувствуется у турок в Месопотамии, Фалькенгайн прервал его презрительным мановением руки и повернулся ко мне с сильно интонируемой фразой:

«Весьма благодарная миссия для Вашего оптимизма, Параквин!»

В завершение он попросил меня после обеда явиться к нему одному. Тогда он, дескать, и сообщит мне свое окончательное решение.

В ходе этой беседы он доверительно сообщил мне, что положение с момента нашего последнего совещания 25 августа принципиально изменилось. 7-я армия отправляется на фронт под Газой. Он принимает верховное командование в Палестине. А вот по-прежнему подчиняющаяся ему 6-я армия остается в обороне.

Весьма неожиданно к этому ясному и простому решению Фалькенгайн присовокупил, что он оставляет за собой вариант как можно скорее атаковать частями 7-й армии на Евфрате. А потому 6-я армия должна быть в состоянии наступать на Тигре – имея фланговую колонну на Дияле, – пока Нидермайер будет готовить диверсии в Персии.

После данной моим предшественником весьма реалистичной картины обстановки в 6-й армии я просто не ожидал, что маршал еще раз вернется к идее о наступлении 6-й армии. Было ясно, что Фалькенгайн попросту пока не проникся болезненным, однако неотвратимым осознанием того, что эта армия в обозримом будущем попросту не может обрести дееспособность к наступательным операциям. Он все пытался найти причину для по меньшей мере временного отказа от операции против Багдада в виде ставшей необходимой отправки 7-й армии в Палестину, однако в действительности 6-я армия и позднее никогда не смогла бы быть готовой к началу наступления, даже если бы ход событий в Палестине и позволил привлечь к нему 7-ю армию. Ход события вполне подтвердил правильность этого мне вполне ясного уже тогда вывода.

В последний раз я видел маршала фон Фалькенгайна 5 октября 1917 г. посреди пустыни между Мосулом и Демир-Капу у Телль-Увенат, куда он прибыл с полковником фон Доммесом на совещание с Халилом-пашой. С учетом последнего переговоры пришлось вести на французском языке. Это обстоятельство, а также восточная вежливость – то есть принцип никогда не говорить своему начальству чего-либо неприятного – были виной тому, что положение армии со снабжением было опять-таки представлено в куда более розовых тонах, нежели оно было в действительности. Когда после совещания, – где мне сложно было высказаться с учетом

сового выделения технических и транспортных частей, особенно автоколонн, а также 100 миллионов марок золотом на расходы и т. д. См. подр.: *Wallach J. L. Anatomie einer Militärhilfe*. S. 210 ff. Главная же его ошибка была в том, что он слишком полагался на привычные ему прусские реалии в решении вопросов и напрасно считал, что в Турции может сколько-нибудь пригодиться его китайский, а также румынский – в кампании 1916–1917 гг. – опыт. См. подр.: *Afflerbach H. Falkenhayn*. S. 473–475.

присутствия Халила-паши, ведь я не мог ему публично возражать, – на котором я попытался притормозить этот внезапный неоправданный оптимизм турок, я еще раз сказал маршалу с глазу на глаз, что реальную обстановку со снабжением армии так и не удалось обсудить, маршал слушал меня с видимым недовольством, а затем свысока взглянул на меня и сказал: «Вспомните о Бонапарте! Когда он перевел своих голодающих солдат через Альпы, он показал им плодородную долину По и сказал: „Завоюйте эту страну, где найдется, что поесть!“»⁶²

Мне ничего не оставалось, кроме как молча – руку под феску – уйти. Ведь Фалькенгайн столь же хорошо, как и я, знал, что 6-я армия в ее теперешнем состоянии не сможет добиться улучшения своего отчаянного снабжения за счет завоевания плодородного Ирака.

В ходе разыгравшейся в последующие месяцы трагедии в Месопотамии я не раз возвращался в мыслях к этому красивому жесту.

Когда пятью месяцами позже, в феврале 1918 г., Фалькенгайн возвращался вместе с Домесом из Палестины домой, слава его имени на Востоке уже померкла. Иерусалим пал. Планы насчет Багдада похоронены. И летчики победоносного Алленби сбрасывали издевательские листовки: «Громоотвод-то здесь! Где же молния? (то есть „Йилдырым“»).

Один офицер, тесть которого встречался с Фалькенгайном, рассказывал мне, что в Константинополе Фалькенгайн в узком дружеском кругу сказал: «Здесь на юге я не допустил никаких ошибок. Моя единственная ошибка в том, что я вообще поехал в эту страну».

И едва ли можно полагать, что он погрешил против истины. Причины были гораздо глубже.

В мирное время османский Генеральный штаб не предпринял никаких подготовительных мер для возможной кампании в Месопотамии. Ведь истый турок не испытывал никакой симпатии к этой чуждой арабской стране. Немногочисленные гарнизоны в жарком нездоровом климате считались местом для отбывания наказаний. Растущая заинтересованность Германии к району Багдада лишь усилила антипатию турок. Когда Багдад пал, османские офицеры иронически заявили своим германским коллегам: «Аллах отдал ваш Багдад англичанам!» Халил-паша как-то раз крикнул мне зимой 1917/18 г. в приступе плохого настроения: «Да бросим уже англичанам все эти пустыни! Что мы вообще там потеряли?»

Германия же не имела возможности сколько-нибудь готовиться к действиям в этой стране. Ситуация с нашей картографией и военно-историческим описанием к началу кампании показывала, что основательно изучением ведения боевых действий в этом столь важном для германской политики на Ближнем Востоке регионе не занимались⁶³. Вот поэтому едва ли можно было найти германского офицера Генштаба, который бы действительно хорошо знал особую обстановку в Двуречье и был бы знаком с этой страной после длительного пребывания еще в мирное время. Еще во время войны я имел возможность убедиться, что германские и турецкие инстанции в Константинополе вовсе не имеют ясного представления о реальной ситуации. Они полагали, что она несущественно отличается от таковой в Сирии и Палестине. И это была чрезвычайно прискорбная ошибка, которая возымела тяжелейшие последствия для армии в Мосуле. Когда в одном из докладов генералу фон Секту весной 1918 г. я выразил сожаление тем, что пока не было возможности приветствовать в Мосуле ни одного офицера из Верховного Главнокомандования⁶⁴, он отправил ко мне одного немолодого германского офицера Генштаба. Я никогда не забуду тот момент, когда этот господин, измученный несколькими днями поездки под палящим зноем в безлесной степи между Алеппо и Мосулом, глубоко впечатленный полным отсутствием каких-либо поселений, дорог и вообще действующей телефон-

⁶² Имеются в виду события во время первой кампании Наполеона Бонапарта в Италии, начавшейся весной 1796 г.

⁶³ И это тем более примечательно, с учетом огромного интереса к Багдадской магистрали, сложных германо-британских и германо-русских компромиссов по разделу сфер влияния в Османской империи в 1911–1914 гг. и на фоне настоящего культа Г. фон Мольтке – старшего, некогда сделавшего себе имя в ходе командировки в османскую армию.

⁶⁴ Османского.

ной линии по всему пути следования, а также прочих признаков цивилизации, вошел в мою комнату и едва ли не в отчаянии воскликнул: «Да, это уж поистине настоящая пустыня!» Я не смог сдержать улыбки и ответил: «Я очень рад, что у Вас теперь сложилось такое ощущение – в Косполи⁶⁵ никак не могут составить верное представление, несмотря на все наши донесения!»

В начале Мировой войны видно то же пренебрежение фронтом в Ираке, как и остальными фронтами турецких войск. И лишь когда вполне реальной стала угроза со стороны англичан, туда был отправлен маршал Кольмар фон дер Гольц⁶⁶. Но до победы под Кут-эль-Амарой, которой были обязаны единственно и только его полководческому искусству, ему дожить было не суждено. Его смерть стала невосполнимой утратой. Халил-паша попытался воспользоваться славой этой величайшей турецкой победы⁶⁷. Однако с непостижимым легкомыслием он оставил для защиты Багдада в Ираке лишь небольшие силы – 18-й корпус, а 13-й корпус вместе со смешанным отрядом из персидской жандармерии⁶⁸ и немцев был отправлен в общем и целом в бессмысленный рейд в Персию, вызванный в основном неясной политической линией обеих стран, и не принес никаких сколько-нибудь прочных успехов⁶⁹.

Новое хорошо подготовленное наступление англичан оставшийся один 18-й корпус не выдержал. Спешно отозванный из Персии 13-й корпус лишь был увлечен общей волной поражения. Англичане с победой вступили в Багдад.

Ошибки, допущенные в ходе изначально недостаточной подготовки кампании в Ираке и лишённого плана и легкомысленного руководства после смерти барона фон дер Гольца, уже невозможно было исправить. Участь Багдада была решена и осталась таковой.

⁶⁵ Так называли Константинополь германские офицеры и чиновники, это сокращение превратилось в почти официальное.

⁶⁶ Кольмар фон дер Гольц (1844–1916), маршал османской армии, генерал-полковник германской армии. Прославился своей многолетней миссией в Османской империи в 1883–1895 гг., приведшей к существенному повышению ее боеспособности. Пользовался огромным авторитетом среди турецких элит, в том числе у младотурок, поэтому в 1915 г. был вызван из отставки и возглавил войска на фронте в Месопотамии. Лишь немного не дожил (умер от тифа 19 апреля 1916 г.) до капитуляции окруженных им осенью 1915 г. войск генерала Таунсенда. Эта победа стала сильным ударом по престижу Великобритании в мусульманском мире. Основная слава досталась Халилу-паше, так что пошли слухи об отравлении им престарелого маршала.

⁶⁷ Более масштабное ликование в Турции вызвало отражение стратегической операции Антанты в Дарданеллах к началу января 1916 г., однако там успех оттенялся огромными потерями османских войск, не уступавшими тем, что понесли силы десанта и флота Британской империи и Франции.

⁶⁸ Она комплектовалась в основном подданными Швеции с 1909 г. С началом боевых действий на территории Персии многие шведы с оружием в руках стали воевать на стороне Центральных держав, вступив в конфликт с российскими воинскими контингентами.

⁶⁹ Имеется в виду наступление османских войск и их союзников в июле – октябре 1916 г., в ходе которого русские части в Персии под командованием генерала Баратова оставили Кум, Хамадан и Керманшах. Однако уже в конце 1916 г. ряд позиций был возвращен, ведь Баратов подавил попытку прогерманского переворота в Тегеране и перешел в контрнаступление. К апрелю 1917 г. зона контроля российских и британских войск в Персии была полностью восстановлена. Германская миссия (во главе с Р. Надольны) вынуждена была покинуть Персию.

Крушение турок в Месопотамии

30 сентября я вернулся из 7-дневной рекогносцировки на фронте у Диялы. Жалкое состояние 13-го корпуса убедило меня, что доклад Брауна о ситуации со снабжением был отнюдь не преувеличен. Теперь уже дело было вовсе не в том, сможет ли 6-я армия подготовиться к наступлению; вопрос теперь гласил единственно: как помешать острому голоду в Месопотамии?

Вступление в бой «Йилдырыма», казалось, может привести к переменам к лучшему. Запрошенная мною присылка германских сотрудников должна была гарантировать, что будут реализованы все советы и распоряжения штаба армии. Останься я единственным германским офицером Генштаба в турецком штабе, то при громадном объеме работ попросту не имел бы возможности проследить за исполнением. К тому же едва ли была хотя бы одна сфера работы, которая не нуждалась бы в самой основательной реорганизации. Без германских коллег, которые и в самые тяжелые моменты были рядом со мной, храня непоколебимую верность долгу, я попросту не смог бы держаться на этой заведомо обреченной должности.

Некоторое улучшение ситуации на транспорте при поездках между Мосулом и окончанием железнодорожной ветки последовало после передачи нам новой грузовой автоколонны.

Мощным средством поддержки стал тот поток наличных золотом, который теперь пролился над этой страной. Он должен был вскрыть припрятанные запасы продовольствия, которые до сих пор было никак невозможно обнаружить.

Назначенные Брауном германские офицеры по закупке, как правило, уже хорошо знавшие эту страну, теперь показывали, что обладают обширными запасами металлических денег, а потому вели успешную торговлю. Теперь они назывались закупочной комиссией 6-й армии и именно в таком качестве и представлялись командующему. Но в действительности армия и администрация вилайета, вообще турецкие военные и гражданские инстанции из этой деятельности были исключены.

Турецкая тыловая инспекция 6-й армии и германские офицеры по закупке в вопросах траты металлических денег подчинялись только особой германской высшей тыловой инспекции (генерала Грессманна)⁷⁰, приданной «Йилдырыму». То есть в важнейшем вопросе довольствия влияние командующего армией было блокировано, хотя ответственным за эту сферу продолжал считаться он. Единственным соображением, положенным в основу такой уникальной и нечеткой организации, было стремление устранить любое влияние турецких офицеров и чиновников на употребление и расходование средств в твердой валюте. К сожалению, приходилось справедливо опасаться, что они не смогут устоять перед искушением отправить в свои карманы золото, прибывшее из Германии и отчеканенное в монеты в Константинополе.

Провалилась вся система организации «Йилдырыма». Не удалось даже покрыть хотя бы текущие потребности армии, не говоря уже о накоплении каких-либо запасов на критический период перед новым 1918 года урожаем. Задуманная Брауном операция на рынке была безупречна с коммерческой точки зрения и хорошо организована. Однако он слишком мало считался с помехами разного рода.

Небольшое число ответственных за закупки означало, что они будут не в состоянии быстро приобрести необходимые запасы – при огромных просторах вверенных им округов. Не было и транспортных средств, чтобы доставить купленное в пределы досягаемости для войск. Да и оставить полученные запасы без охраны тоже было попросту невозможно.

Крупные арендаторы и купцы – в основном арабы или курды, которым, разумеется, были совершенно чужды всякие понятия об идейном патриотическом долге – в погоне за прибы-

⁷⁰ См. подр. приложение V.

люю вывели на рынок дотоле скрываемые запасы. При усиливающейся нужде они надеялись добиться и еще более высоких цен. Кроме того, они поддерживали связь с их соплеменниками и компаньонами в занятом англичанами Багдаде, отправляя юркие караваны через Джезиру⁷¹, открытые пустынные просторы между Евфратом и Тигром, контролировать или блокировать которые было, естественно, невозможно. Англичане платили золотом, так что германские деньги были для этих дельцов не единственным источником дохода. Кроме того, они уже были крайне раздражены событиями, когда им навязывали бумажные купюры, так что опасались повторения этих принудительных мер, как только пролившийся золотой дождь вдруг начнет иссякать.

Четко выраженный германский характер всей этой операции сильно задевал крайне чувствительных в национальных вопросах турок. Очень многие из отстраненных от незаконной прибыли выражали офицерам по закупке свою злобу и чинили разнообразные препятствия.

Сам Халил-паша, которому были прекрасно известны все эти интриги, говорил – не без тайного злорадства насчет германских неудач – с присущим ему остроумием: «*Mai j'ai la commission et les Allemands ont l'argent!*»⁷²

Из армии весьма настойчиво сообщали в штаб «Йилдырыма» о недопустимом и беспорядочном положении, когда именно ее делают ответственной за вопросы снабжения, в то время как закупки проводит не подчиненная ей высшая тыловая комиссия, которая и ведала средствами в твердой валюте.

Уже 9 октября Фалькенгайн отменил свое отданное лишь 17 сентября распоряжение и, несмотря на все соображения относительно турецкой коррупции, принял единственно возможное решение, чтобы все – поступавшие, кстати, все более скудно – денежные средства в монете распределял по своему усмотрению командующий соответствующей армией⁷³.

16 октября вступил в силу новый и принятый как раз для этой цели турецкий закон – ведь до этого юридической основы не было вовсе – о введении смешанных закупочных комиссий из представителей военных и штатских ведомств, что быстро положило конец деятельности германских офицеров по закупке. И вот теперь образовались чисто турецкие по составу закупочные комиссии из представителей военных и гражданских ведомств, в соответствии с административными округами. Они и приняли на себя все обязанности по снабжению продовольствием. Прежние германские офицеры по закупке по приказу штаба «Йилдырыма» остались при армиях в качестве контролирующих инстанций по применению средств в твердой валюте. Однако практического значения эта мера – при крайне запутанной местной обстановке – уже не имела. «Йилдырым», который лишь очень неохотно отказался от прежнего своего распоряжения, тем самым попросту желал сохранить лицо.

В предшествующие месяцы в ходе затяжных переговоров и совещаний между штабом армии, тыловой инспекцией и администрацией вилайета Мосул попытались представить истинную картину имеющихся и доступных к использованию запасов продовольствия в полосе действий армии. Но все усилия были тщетными, ведь сколько-нибудь надежной статистики не существовало. Поэтому план работы на период до нового урожая мог основываться лишь на предположениях и грубых оценках на базе некоторых данных о взимаемых налогах.

Население обязали ежегодно поставлять в качестве налога натурой десятую (согласно закону) – а на самом деле восьмую – часть урожая. Взимание же его – ведь добровольной сдачи не бывало вовсе – было предоставлено турецким откупщикам налогов, которые, как правило, занимались этим из личного обогащения, а из-за их жестоких методов и бесцеремонности были предметом страха и ненависти как бедных, так и зажиточных слоев населения.

⁷¹ Арабское название междуречья Тигра и Евфрата, представляющее собой невысокое плато.

⁷² Но у меня была комиссия, а у немцев – деньги! (фр.).

⁷³ То есть в каждой из армий, входивших в «Йилдырым».

И так как эта десятина ни в коей мере не могла покрыть потребности армии, было решено, что с населения следует взять и еще две десятых доли урожая, но за плату. Для этой закупки надо было установить цену распоряжением штаба армии, ведь имевшиеся средства были ограничены. «Йилдырым» категорически настаивал на крайне экономном расходовании средств в твердой валюте и все более сокращал приток данного незаменимого платежного средства.

Если бы удалось добиться взимания и продажи этих трех десятин, тогда – на бумаге – казалось, что снабжение хотя бы людей в армии до нового, 1918 года урожая обеспечено. Турецкие законы требовали, чтобы чиновники гражданских ведомств и жандармы с их семьями, а также находящиеся в полосе действий армии родственники офицеров и солдат и все те, кто работает в государственных интересах на дорогах и магистралях, получали бы довольствие от армейских органов снабжения. При этом судя по подсчетам армейского интендантства, тыловых инстанций и администрации вилайета, надо было иметь в виду до 20 тысяч человек, добавившихся к тем, кто стоял на довольствии в боевых частях. Я всегда относился с величайшим недоверием к предоставляемым мне подобным цифрам. С одной стороны, все основы были ненадежны – насколько это вообще возможно, да и занятый подсчетами персонал был ненадежен, да и намеренное завышение численности поставленных на довольствие было вполне вероятно. Ведь трюк, принятый во всех коррумпированных государствах, – поставить на довольствие и оплату куда больше людей, нежели есть в наличии, – хорошо известен. А затем невыданные излишки делятся между задействованными в махинации командирами и чиновниками. Однако при всем недоверии я был абсолютно не в состоянии сколько-нибудь перепроверить подаваемые данные. И турки с арабами это хорошо знали.

Довольствие для животных – что дало себя знать немедленно – не удавалось обеспечить ни в коем случае. 10 тысяч животных пришлось уже в начале ноября перегнать в окрестности Урфы. Сначала были выделены основные силы кавалерии (2 тысячи лошадей), затем те, что числились за ветеринарными лазаретами (2 тысячи животных), потом еще 2 тысячи животных тыловых инстанций и из корпусов всего до 4 тысяч животных. И это еще были только наиболее ослабевшие особи.

В таком крайне уязвимом положении, когда армия постепенно теряла не только всякую способность к операциям, но и вообще была обречена на полную неподвижность, естественно, следовало избегать любого превышения штатной численности. Однако с самого начала было довольно сомнительно, что 10 тысяч голов, отогнанных из полосы действий армии, хватит, чтобы обеспечить фуражом оставшийся скот. И риск, что наверняка не все его поголовье будет способно передвигаться, был велик, ведь уже теперь многие животные во время перегона в 400–500 км по пустыне скончались.

И вновь прошли недели, пока не наладилась новая организация турецких комиссий по снабжению продовольствием. Однако и при изменившихся обстоятельствах положение с питанием не улучшилось.

Со всех сторон шли жалобы на недостаток корма. Нормы довольствия приходилось постоянно понижать. Бывали дни, когда турецким солдатам и вовсе не удавалось выдать хоть что-то из съестного. Все то, что смогли заготовить комиссии по снабжению – зачастую с применением силы или с помощью шпионажа, приходилось немедленно отправлять на удовлетворение текущих потребностей.

К сожалению, даже доставленные в войска продукты далеко не в полном объеме шли на пользу дела. Так как среди местного оседлого населения, в городах, а также в арабских и курдских кочевых племенах также царил крайний дефицит продовольствия, сразу возник спрос, несмотря на высокие цены, что только усиливало явный психоз от страха голодной смерти.

И это обстоятельство пошло весьма на пользу многим турецким офицерам и чиновникам, которые смогли продавать предназначенные для войск запасы продовольствия на благо своего кармана, а также устраивать сомнительные гешефты при найме транспортных средств, поэтому

в действительности вывозилось не все к тому предназначенное. За счет этих трюков и того, что другие турецкие офицеры выдавали крупным арендаторам подложные квитанции о поставках, складывая золото в свою кубышку, а не получая за него товары, торговцы смогли продавать по спекулятивным ценам зарезервированное для нужд армии продовольствие на черном рынке, где вчетверо, а то и впятеро завышали установленные нами закупочные цены.

Таким образом один-единственный лейтенант тыловой инспекции в Мосуле смог скрыть до 4 тысяч золотых фунтов, лишив армию продовольствия на эту сумму. При закупке очень дорогих штанг для каркаса келлеков (одна (!) деревянная штанга стоила золотой фунт (20 марок) или 5–6 фунтов купюрами) турецкая официальная закупочная комиссия в Джезире совершила нарушения на сумму в 90 тысяч бумажных фунтов. Один из германских офицеров обнаружил эту преступную деятельность. Отправленная на расследование турецкая доверенная комиссия тут же получила от главного подозреваемого взятку в 740 золотых фунтов в обмен на то, чтобы расследование было закрыто.

Коррупционность турецкого административно-судебного аппарата въелась столь глубоко, была столь всеобщей, что сколько-нибудь принципиальные перемены исключались.

Поэтому-то мне ни разу не удалось побудить Халила-пашу к резкому вмешательству в целом ряде отдельных случаев, которые все же удалось довести хотя бы до формального судебного разбирательства. «Все это отвратительно... – меланхолически вздыхал он. – Они все воруют!» Однако решиться на действительно суровые кары ради устрашения он не мог. Однажды ему стало известно, что уже весь свет знает, сколь огромные частные прибыли получают члены младотурецкой клики на военных поставках в Константинополе. Мне так никогда и не стало ясно, насколько вверх по армейской иерархии и в администрации вилайета распространялось получение прибыли противозаконным путем. Настоящий контроль за ведшейся на турецком языке бухгалтерией и без того ни мной, ни моими германскими интендантами все равно был невозможен.

Через моего переводчика – турецкого офицера, изучавшего естествознание в Марбурге, я получил конфиденциальную информацию, что высший чиновник военного суда армии все дела ведет за соответствующую плату. Когда я сообщил об этом Халилу, он нисколько не удивился, а лишь отметил, что он, разумеется, не может проверить, основаны доклады его советника военной юстиции на истинном положении или нет. Он подписывает то, что ему предоставляют. Так как он, однако, казалось, не испытывал ни малейших сомнений в правдивости моего сообщения, то тут же сообщил мне, что за счет своих связей в Константинополе смог распорядиться, чтобы этого человека отозвали на другой пост. Должно быть, были особые причины, чтобы этот преступник оставался на своем посту до последнего.

Такая слабость перед вскрывшейся коррупцией дала мне изрядную пищу для размышлений. Это явление было характерно почти для всего турецкого командования. Как я уже указывал выше, причина – большинство из тех, что играли определенную роль при правлении младотурок, и сами были не чисты на руку. Распоряжалась всеми финансами государства эта партийная клика. Главы ее боялись только за себя лично, однако громогласно карали подчиненных за преступления, в которых сами были повинны или, разумеется, имели соучастников оных в своем окружении. Повсеместно шла молва – и в самых точных деталях – о турецком генерал-интенданте Исмаиле Хаккы-паше, как именно он сочетает самые грязные личные гешефты с его пребыванием на официальном посту⁷⁴. Когда я воспользовался приглашением Энвера-паши в его поместье Султан-Чифлик на Босфоре, то Халил спросил меня, как я оцениваю сумму, которую пришлось заплатить за покупку этого великолепного имения. На мое

⁷⁴ Топал Исмаил Хаккы-паша, генерал-интендант турецкой армии в 1914–1918 гг. Крайне высокую степень коррумпированности Хаккы-паши, но при этом полную его незаменимость во главе интендантского ведомства подтверждал и хорошо его знавший еще с 1914 г. Кресс фон Крессенштейн: Kieß von Kressenstein. Lebenserinnerungen. S. 75.

недоуменное пожатие плеч он ответил с улыбкой, потирая руки: «О, очень, очень дешево! 14 тысяч фунтов бумажками! Энвер купил его у одного армянина, которого выслали. Парень еще должен был радоваться, что ему вообще заплатили хоть что-то». Этот «le pauvre Halil»⁷⁵ – как он любил себя называть – был сыном полунешего работника одного из султанских дворцов, а теперь имел дом в Константинополе, еще один на Босфоре и несколько участков под строительство.

Кроме того, сказывались и политические соображения. Нельзя было потерять симпатии чиновничества и военных к младотурецкой партии. Так что великодушная готовность закрыть глаза на довольно обычные на Востоке попытки личного обогащения вполне могла сохранить старых друзей и приверженцев и дать новых. Наконец, сказался особенно сильно проявляющийся на Востоке недостаток ощущения общего дела. Здесь он дает о себе знать в куда более наивных, весьма легких для истолкования и усвоения формах, нежели в землях Запада. Однако тот, кто знаком с низким стремлением к наживе, которое – пусть и без открытого нарушения уголовного законодательства – вполне встречалось в годы войны и в Европе, где тоже искали выгод от нужды и бед своих же народов, тот не сможет положить руку на сердце объявить подобный недостаток самосознания чертой, свойственной исключительно Востоку. Можно лишь с негодованием отметить, что многие турецкие офицеры и чиновники и крупные арендаторы и купцы из арабов думали единственно о личной выгоде, пока brave анатолийские солдаты на фронте и беднота в городах терпели горькую нужду и в конце концов погибали от голода.

До последнего момента в оценке истинного положения с довольствием в вилайете Мосул были два полярных мнения.

С одной точки зрения, запасов достаточно, однако их просто не удастся собрать. По другой – оспаривалось наличие необходимого количества продуктов питания, поскольку еще в довоенные времена в этом регионе были нередки вспышки голода. А в этом году ко всему прочему еще и случился неурожай. И вот на фоне этого, помимо местного населения, надо как-то прокормить целую армию.

Лично я на основе развития событий проникся твердым убеждением, что в вилайете Мосул с самого начала не было должного количества продовольствия для прокорма и населения, и армии. Ведь иначе просто необъяснимо, почему даже в самом богатом округе вилайета – зерновом районе Эрбиля – голодало большинство населения.

Без сомнений, на нужды армии не попало существенное количество продовольственных ресурсов, однако они помогли дожить до ближайшего урожая местному населению, которое таким образом удалось пощадить. И уж ни в коей мере не было излишков на пропитание армии в течение долгих месяцев. Было также ясно, что в схватке не на жизнь, а на смерть – погибнуть от голода или хотя бы как-то прожить дальше, которая негласно разыгрывалась между армией и населением, преимущества были на стороне последнего, поскольку оно имело куда более широкий доступ к зачастую умело скрываемым запасам съестного.

Мое мнение подтвердилось показаниями взятого нами в плен английского подполковника Бизли⁷⁶ и других британских солдат. Чрезвычайная засуха 1917 года даже в плодородном Ираке привела к чувствительному дефициту питания. Англичане были вынуждены доставлять большие объемы продовольствия из Индии для нужд терпящего бедствие населения. Возможно, что и переброска около половины действовавших до этого в Месопотамии британских войск была проведена с учетом общего положения с продовольствием. Она началась в декабре 1917 г., задолго до германского наступления на Западном фронте весной 1918 г.⁷⁷

⁷⁵ Бедный Халил (фр.).

⁷⁶ Джордж Адам Бизли (1870–1961), британский подполковник, топограф, один из основателей топографической аэрофотосъемки. Результаты его разведок привели к обнаружению развалин Самарры и ряда древних ирригационных сооружений. 2 мая 1918 г. был сбит и взят в плен турками. Освобожден только в ноябре 1918 г.

⁷⁷ Германские наступления в кампании 1918 г. на Западном фронте начались операцией «Михаэль» 21 марта 1918 г.,

Сторонники первой точки зрения, большинство которых, как правило, находилось в многих сотнях километров от театра военных действий, охотно утверждали, что здесь поможет только беспощадное взимание запасов. Но наш опыт показывал, что такой столь очевидный способ выхода из ситуации не приводит к цели, зато таит в себе серьезную опасность.

Там, где прибегали к насилию, население бежало в горы или степи. Многие деревенские феллахи возвращались к кочевническому образу жизни и присоединялись к племенам бедуинов, сновавшим по Джебзире и в Курдистане. Обширные площади ранее обрабатываемых земель теперь были потеряны для будущей жатвы. Засеянные территории, с которых ожидали урожая в 1918 г., оценивались лишь в чуть более трети от земель, обрабатываемых в 1917 г.

При подобных жестких действиях лишь в редчайших случаях удавалось обнаружить в старых колодцах, цистернах, ямах и подвалах – нередко еще ассирийских времен – либо в горных пещерах или тайниках в степи спрятанные запасы продовольствия. При этом нельзя забывать, что коренное население всегда боролось против ограбления и угнетения со стороны турецких откупщиков, так что пытались свести к минимуму любые подати. Поэтому оно столетиями училось прятать свои запасы за пределами поселений, и эти места были известны лишь немногим посвященным. Попытки с помощью взяток выведать эти тайники увенчивались успехом лишь в редчайших случаях. Ведь предатели знали, что в этом случае их ждет кровавая месть своих жертв.

Действия же против богатых крупных арендаторов, которым принадлежало большинство деревень, тоже оказывались крайне затруднительными. Комиссии пытались собрать с них десятину, согласно принятым в мирное время оценкам урожая. Естественно, в порядке вещей были и обвинения в адрес крупных арендаторов от их мелких должников, которые сообщали комиссиям, что их хозяева сбрасывают на них все податное бремя, а свои запасы укрывают от любых сборщиков на нужды армии.

Ожесточение из-за такого якобы несправедливого распределения налогов в Мосуле достигло такого уровня, что на это обратил внимание германский консул Хольштайн⁷⁸. Прежде всего, жертвами злоупотреблений в налоговых вопросах со стороны мусульман-чиновников комиссии полагали себя христиане и евреи. К сожалению, все обвинения – как это обычно бывает – выдвигались лишь в самых общих чертах. Если же пытались перейти к сути заявленного, то заявитель тут же устранился. Ни один из свидетелей не подтверждал свои прежние показания. Подкуп и страх перед актами мести мусульманских властителей исключали любое расследование истинного положения дел.

Я предложил распоряжением вали заменить наиболее часто обвиняемых членов комиссий. Вали утверждал, однако, что это приведет к страшной путанице и станет невозможно покрывать даже текущие потребности. Он же должен отказаться от рассмотрения его кандидатуры как председательствующего в главной комиссии по продовольствию, так что может в таком случае и в отставку подать – что, по моему опыту, делает любой турок, как только что-нибудь ему не по душе. Так как армия, не имевшая никаких резервов, зависела от действий таких людей, я вынужден был принять эту миссию лично с ведома вали, у которого была одна цель: избежать любых трений с его друзьями, да и самому не перетрудиться. Относительно Халила еще следовало иметь в виду, что он пытался избежать любых конфликтов со своим старым товарищем и компаньоном в любых его проделках.

приведя к серии тактических, но не оперативных успехов. Германская Ставка пыталась добиться если не перевеса, то хотя бы паритета в силах с армиями Антанты, однако всякие надежды на это рухнули в связи с быстрым формированием и переброской в Европу миллионов американских солдат.

⁷⁸ Вальтер Хольштайн (1881–?), вице-консул в Мосуле с 1911 по апрель 1918 г. Затем продолжил дипломатическую карьеру по защите германских интересов в различных городах Турции вплоть до 1943 г.

В отчете от 20 ноября в штаб «Йилдырыма» я вновь описал невозможность добиться ясной картины положения со снабжением. Я подчеркнул, однако, что улучшений, несмотря на все усилия и попытки, нет: напротив – следовало бы ждать ухудшения.

В сентябре я получил от фон Фалькенгайна указание довольствовать армию местными ресурсами, ведь подвоз зерна в 6-ю армию невозможен в связи с общим положением с продовольствием в Турции, а также ситуацией на железных дорогах. Я же считал себя обязанным именно таким докладом, без всяких прикрас, указать, что, несмотря на такой приказ Фалькенгайна, армия будет вынуждена в ближайшем будущем запрашивать подвоза продуктов из других частей Турции.

С 27 ноября по 12 декабря Халил-паша вместе со мной выехал на фронт, чтобы составить личные впечатления о ситуации с продовольствием в корпусах, а также о полуторамесячной деятельности закупочных комиссий. И сколь бы ни малы были здесь шансы получить по-настоящему ясное представление, все крепче было ощущение, что без помощи извне армия идет навстречу весьма неверной и, по всей видимости, угрожающей участи.

Тяжелое – в связи с хорошо известным и штабу армии тяжелым общим положением турецкой экономики – решение просить помощи в других вилайетах было облегчено благодаря заключенному в декабре перемирию с Россией.

Прекращение военных действий на персидской границе высвободило части 2-й армии, нашего северного соседа. Так что заготовленные в вилайете Диярбекир запасы продовольствия могли пойти на нужды 6-й армии.

Водный путь по Тигру из Диярбекира⁷⁹ в Мосул и на фронт 18-го корпуса в связи с постоянно растущими ценами на древесину для келлеков был крайне дорог, зато, несмотря на начинающийся вскоре сезон дождей, до сих пор вполне провозоспособен.

А вот все имевшиеся в распоряжении 6-й армии возможности доставки по железной дороге месяцами ограничивались количеством максимум в 150 тонн в неделю, а перевалка и доставка по 250-километровому участку от конечного пункта железной дороги в Мосул на верблюдах и грузовиками с началом зимнего периода дождей стали весьма нестабильными.

Еще в день заключения перемирия с Россией – 7 декабря⁸⁰ – армия запросила в штабе «Йилдырыма» организации дополнительной инстанции тыловой инспекции 6-й армии в Диярбекире, а также подвоза продовольствия из этого вилайета водным путем. Вновь подчеркивалось чрезвычайно критическое положение армии, в том числе на основании недавно полученных на фронте впечатлений.

11 декабря заместитель Верховного Главнокомандующего Энвер-паша поручил 2-й армии передать в распоряжение 6-й армии 1000 тонн продовольствия в Диярбекире. Запрос из 6-й армии на куда больший объем помощи был так и не учтен, несмотря на ходатайство из штаба «Йилдырыма».

Так как это компромиссное решение не могло урегулировать вопрос с продовольственными затруднениями, а меры, принятые Энвером, да и то лишь на бумаге, были временным смягчением ситуации, армия немедленно запросила поставки по меньшей мере 5000 тонн – таковы по самым грубым оценкам были масштабы безусловно необходимого дополнительного снабжения.

Этот запрос, самым любезным образом поддержанный в штабе «Йилдырыма», был – после необъяснимого промедления – отклонен заместителем Верховного Главнокомандующего 8 января 1918 г.

⁷⁹ Ныне Диярбакыр, после трагических событий 1915 г. население города уменьшилось наполовину.

⁸⁰ Автор не точен. Перемирие в Брест-Литовске действовало поначалу десять дней, с 7 по 17 декабря, однако заключено было 15 декабря 1917 г. Однако на Кавказском фронте было подписано отдельное, Эрзинджанское перемирие, 18 декабря, так что османских войск в Месопотамии касалось в лучшем случае последнее, но не Брест-Литовское перемирие.

Напротив, генерал-квартирмейстер даже спросил меня, а разве армия не в состоянии произвести в полосе своей ответственности закупки за твердую валюту. Я только головой покачал. Неужто все мои зачастую выдержанные в самых тревожных тонах отчеты о положении с продовольствием в вилайете Мосул были до сих пор неизвестны в столь ответственной инстанции? Разве Ставка в Стамбуле все еще не прониклась сознанием факта, что армия вот уже пять месяцев только и держится благодаря закупкам и только за деньги в монете, но это уже не дает удовлетворительного результата в этой стране? Возникало ощущение, будто все, о чем я до сих пор докладывал в вышестоящие инстанции, было попросту брошено на ветер.

И вновь терялись драгоценные недели без всякого ощутимого результата. Надежда все же выжать из этого региона сколько-нибудь существенные запасы таяла с каждым днем. Вилайет Диярбекир – как и следовало ожидать – чинил изрядные препятствия и оказывал пассивное сопротивление транспортировке продовольствия, так что она шла очень медленно. К 17 февраля 1918 г. – то есть за 2 месяца – удалось получить оттуда около 280 тонн. После неоднократных жалоб из 6-й армии заместитель Верховного Главнокомандующего 15 февраля повторно приказал вали Диярбекира немедленно отправить недостающие 720 тонн. К 19 апреля – то есть еще за два месяца – прибыли еще 60 тонн, то есть в целом лишь треть от подлежащего отправке согласно приказу.

Тем временем штаб армии 15 января 1918 г. отправил повторный запрос, ранее отклоненный, на поставку 5000 тонн продовольствия и обустройство тыловой коммуникации по Тигру Диярбекир – Мосул, еще раз подробно его обосновав. Он указал на крайнюю серьезность положения в случае повторного отказа в этой помощи и прежде всего подчеркивал необходимость быстрого оборудования пути по Тигру. Запрос получил поддержку в штабе «Йилдырыма» и был с указанием на его срочность отправлен в турецкую Ставку.

Через 14 дней – 31 января – Энвер-паша отдал приказ отправить 6-й армии продукты питания из округа Урфа. Запрос относительно Диярбекира отклика не получил.

Перевозка продовольствия из округа Урфа сухопутным путем требовала сложной и затратной по времени реорганизации транспортной части. 19 февраля из «Йилдырыма» нам сообщили, что мы сможем получить оттуда примерно 3 тысячи тонн.

Время поджимало. Остро нужна была быстрая помощь. Штаб армии 6 февраля в третий раз запросил решения по своему запросу относительно поставок из Диярбекира, откуда уже функционировал всегда доступный водный вид транспорта, в то время как помощь из Урфы не могла прийти быстро.

И так как до 15 февраля никакого ответа не было, а из Диярбекира прибывали лишь очень скудные партии, штаб армии при нараставшей с каждым днем нужде обратился в «Йилдырым» с просьбой немедленно – отложив все прочие транспортировки – отправить по железной дороге в Телль-Хелиф 500 тонн продовольствия. Они должны были позволить армии как-то продержаться критический период, пока не наладится подвоз из Урфы и Диярбекира. На следующий день, 16 февраля, из «Йилдырым» сообщили о согласии.

18 февраля из «Йилдырыма» пришло распоряжение генерал-квартирмейстера о том, что четыре округа вилайета Диярбекир выделяются в распоряжение инстанций 6-й армии для нужд ее довольствия. Тем самым сделанный еще двумя месяцами ранее запрос штаба армии был наконец – пусть и частично – выполнен.

Новый, хотя и весьма отдаленный источник помощи был тем самым – пусть пока лишь на бумаге – передан штабу армии. Но тут возникли новые трудности.

Хотя в предшествующий год стояла сильная засуха, с середины декабря 1917 г. по май 1918 г. шли сплошные дожди со столь незначительными перерывами, что поддерживать сколько-нибудь регулярное сообщение в пустыне на грузовиках было невозможно.

Единственным транспортным средством в степи оставались верблюды-дромадеры. Однако получавшие скудный корм животные могли переносить груз куда меньше обычного.

На размытых дорогах тяжело нагруженные звери оскальзывались и падали, что дополнительно снижало показатели. Участок Телль-Хелиф – Мосул примерно в 250 км верблюды преодолевали в сухое время года за десять, а в период дождей – за шестнадцать дней.

Командующий базировавшегося на Диярбекир 4-го корпуса (2-я армия) вопреки всем приказам Ставки противился использованию 6-й армией вновь выделенных в ее распоряжение округов. Он дошел до угроз открытого насилия против отправленных нами комиссий по приему продовольствия.

Этот Али-Ихсан-паша⁸¹ незадолго до этого был удален из 6-й армии Фалькенгайном из-за его недопустимого поведения по отношению к Халилу-паше. Так что для последнего и его окружения не было никаких сомнений, что Али-Ихсан воспользуется этой возможностью, чтобы отомстить своему ненавидимому конкуренту Халилу. А сам Али-Ихсан объяснял свои действия тем, что при передаче продуктов под угрозой окажется его продовольственная ситуация.

Последовал шедший неделями бесплодный обмен депешами между Энвером, Халилом и Али-Ихсаном. Результатом его стало то, что 20 марта 6-я армия вынуждена была временно отказаться от округа Сильван окончательно, а от еще одного округа – на период до следующего урожая. Али-Ихсан, однако, между тем уже достиг главной своей цели. С помощью караванов он по возможности опустошил склады во всех четырех округах, зато почти полностью блокировал отправку все еще полагающихся 720 тонн из вилайета Диярбекир.

Таким образом, 6-я армия неуклонно катилась навстречу своей жестокой судьбе. В вилайете Мосул постепенно установился режим жесточайшей нехватки. А потом последовал и откровенный голод. Поначалу жертвами его стали многочисленные изгнанные сюда армяне и курды, затем представители беднейших слоев, а прежде всего – старики, слабые здоровьем и дети. Царившая на улицах Мосула нищета была чудовищной. Каждое утро на кладбище отвозили на телегах очередную порцию трупов умерших с голоду, которых собирала полиция во время постоянных рейдов. Когда я как-то раз ранним утром был неподалеку от входа на ближайшее кладбище, мне открылась шокирующая картина: тридцать шесть обнаженных мертвецов лежали друг за другом рядами. Их обтянутые кожей кости грудины были почти перпендикулярны впавшим кускам кожи, которые находились на месте бывших животов. Это были старики, старые и ослабевшие женщины, дети... Под разрушенными стенами Мосула рыли одну могилу за другой.

Когда однажды февральским утром 1918 г. я покинул свой сераль и проходил по улицам голодающего Мосула, я наткнулся на одной из площадей на очень возбужденную толпу вокруг двух казнимых. На моих глазах палач вздернул арабскую супружескую пару. Они затащили к себе более дюжины детей, потом зарезали их в темном подвале, затем разрезали их на небольшие куски мяса, которое поджаривали на железной решетке и продавали на базаре за большие деньги. Матери убитых с дикими проклятиями рвались к болтающимся трупам, били их кулаками и оплевывали.

Армия была вынуждена раз за разом снижать нормы довольствия. Месяцами недоедавший личный состав хирел на глазах. Солдаты падали без сил при самых незначительных усилиях, например таская воду, умирая от сердечных ударов. Но никаких бунтов или попыток нападений на тех немногих счастливых, у кого все же было что поставить на стол, не было. Во-первых, все покрывалось истинно восточной флегмой, а во-вторых, процесс физического истощения шел столь медленно, что солдаты все еще могли надеяться, что положение улучшится. Под конец они и вовсе были слишком слабы, чтобы обратиться к насилию. «Иншаллах!» – «Как угодно Аллаху!» На всех устах была эта фраза.

⁸¹ Так же Али-Ихсан Сабис (1882–1957), бригадный генерал, кадровый военный. Участник Балканских и Первой мировой войн, а также греко-турецкой войны, с 1922 г. в отставке. Последний командующий 6-й армией (с 30 июня 1918 г.).

Согласно сводкам по личному составу, из военнослужащих армии от истощения умерло:

В сентябре 1917 г. – 805;
в октябре 1917 г. – 1374;
в ноябре 1917 г. – 1122;
в декабре 1917 г. – 1560;
в январе 1918 г. – 1674;
в феврале 1918 г. – 1471;
в марте 1918 г. – 3090;
1–13 апреля 1918 г. – 1649;
всего с 1 сентября 1917
по 13 апреля 1918 г.: – 12735 человек.

Быстрый рост количества умерших в марте 1918 г. позволял отчетливо увидеть начало острого голода.

К началу сезона выпаса скота в марте 1918 г. от голода вымерло более половины животных в армии.

Когда степь зазеленела, основная масса местных жителей и солдат питалась по большей части травой и кореньями. Повсюду на лугах, которые на короткое время были выколдованы солнцем на этих залитых водой степях, можно было видеть в прямом смысле слова пасущихся людей. Непривычное питание часто вызывало колики со смертельным исходом.

Крушение турок в Месопотамии было невозможно предотвратить. Была лишь одна возможность – еще осенью 1917 г. добровольно оставить страну, предоставив ее англичанам.

Однако настолько ясно тогда ситуацию представить было еще нельзя. Еще сохранялась пелена надежды, и турецкое Верховное Главнокомандование попросту не считало нужным сдавать врагу крупные территории, тем более такой важный город, как Мосул. Из этой трагической цепи обстоятельств и возник голод, жертвой которого пала большая часть армии, сохранились лишь ее не слишком боеспособные остатки.

Военные события во время кризиса

Состояние турецких войск в Месопотамии после неудачных боев весной 1917 г., приведших к потере Багдада, не позволяло возобновить наступление. Описанная выше ситуация со снабжением 6-й армии заставляла тратить все больше сил и на оборону. Под конец армия была просто сдана врагу. Любая серьезная атака должна была смести ее с дороги.

Из двух противников, что были у 6-й армии, русские пребывали в почти полном бездействии. Ведь и их атакующий дух был подорван плохим довольствием и сложной горной местностью. А тут еще сказывалось и все более нараставшее политическое разложение. 7 декабря официально приостановили боевые действия⁸².

Однако до заключения перемирия на этом фронте у нас не дошло, ведь русская комиссия – пестрого состава, из офицеров всех русских племен, одного меньшевика и большевиков, – с которой я на рубеже 1917 и 1918 гг. вел переговоры в Мосуле, не желала гарантировать, что англичане за ее спиной не переместят фронт и мы вдруг неожиданно не окажемся перед новым врагом, пока соглашаемся на перемирие. Мы отказались от соглашения и остались в состоянии войны. Через несколько недель – русская революция меж тем продолжалась – царская армия в состоянии, граничившем с распадом⁸³, побежала через Персию назад на свою родину. Англичане на этом фронте уже не появились, и мы позднее могли свободнее распоряжаться силами нашей Ревандузской группы.

Англичане, напротив, провели целую серию успешных атак с ограниченными целями. Однако до действительно масштабного наступления с целью взять Мосул так и не дошло. Весной 1918 г. даже с имевшимися у них – несмотря на довольно крупные переброски на другие фронты – силами должны были непременно победить турок, с учетом состояния последних. Однако английское командование, несмотря на разветвленную шпионскую сеть, которую в этой стране оказалось не трудно развернуть, в полном крушении 6-й армии все же уверено не было, так как полагало ее способной на более упорное сопротивление, нежели было в действительности.

Характерными чертами английского командования было избегание любого риска, самая основательная подготовка, осторожная реализация каждой операции и тщательное налаживание тыловых коммуникаций (а именно подтягивание линии узкоколеек вплотную к фронту). Особенно генерал Мод, удачливый покоритель Багдада, обладал, видимо, натурой очень сдержанного и почти педантичного полководца. Ни разу и речи не зашло о том, чтобы быстро воспользоваться успехом, хотя он доставил бы нам серьезные трудности. Возможно, мешали этому и свежие воспоминания о катастрофическом поражении его предшественника генерала Таунсенда⁸⁴ под Кут-эль-Амарой, ставшем расплатой за рискованность действий британского командующего.

После его смерти – а Багдад стал для него столь же роковым, как и для маршала фон дер Гольца, – командование британским экспедиционным корпусом принял генерал Маршалл⁸⁵, у которого было очевидно больше энергии и тяги к деятельности.

⁸² Автор опять имеет в виду Брест-Литовское, а не Эрзинджанское перемирие, что примечательно. Далее он имеет в виду перемирие именно с теми русскими войсками, что действовали в Персии, а они, по-видимому, не признавали Эрзинджанского перемирия, а уж тем более Брестского (от 15 декабря 1917 г.).

⁸³ Автор не вполне точен. Русская армия к тому моменту уже десять месяцев как не была царской, да и разложение в частях, действовавших в Персии, проявлялось куда меньше, чем в других соединениях Кавказского фронта.

⁸⁴ Чарльз Вер Феррер Таунсенд (1861–1924), генерал-майор, командующий 1-й и 6-й индийскими дивизиями в Месопотамии в 1915–1916 гг. До конца войны оставался в плену, сыграл роль в заключении Мудросского перемирия 30 октября 1918 г. Автор мемуаров.

⁸⁵ Уильям Маршалл (1865–1939), британский генерал-лейтенант. Сделал быструю карьеру в ходе Первой мировой войны, сначала на Западном, потом на Салоникском фронте, потом получил под командование 3-й индийский («Тигрис») корпус в

Британские войска состояли по большей части из индийских пехотных и кавалерийских дивизий. В Ираке было установлено присутствие лишь одной английской дивизии с белыми солдатами. Высказывавшиеся в английской палате общин опасения, что под Багдадом отвлекаются крупные силы Британии, которые нужны в решающих боях на европейском Западном фронте, были поэтому не оправданы⁸⁶.

Войска получали очень хорошее довольствие и были превосходно оснащены. Этим – а вовсе не моральным превосходством – обосновывался их перевес над полуголодными турками, оснащение которых было изношено и уже долгое время не пополнялось.

С учетом сил, в целом находившихся в распоряжении британцев с начала наступления Алленби в Палестине, я полагал английское наступление на Мосул маловероятным. Мои турецкие сотрудники, напротив, готовы были усмотреть в любом ударе англичан начало решающей операции против Мосула, которой они так боялись.

То, что британское наступление не состоялось, объяснить очень просто. Взятием Багдада Англия восстановила свою военную репутацию на Востоке, столь подорванную катастрофой под Кут-эль-Амарой, где генерал Таунсенд с 10 тысячами англичан попал в руки Халила-паши. Месопотамия должна была теперь сама упасть им в руки, как зрелый плод, если Алленби удастся завоевать Сирию. Тогда за что же сражаться? Было совершенно не важно, случится это событие раньше или позже. Задачей английских вооруженных сил в Ираке – теперь уж разрешенной во всяком случае – стало завладение Багдадом и сковывание турецких войск на этом фронте за счет постоянной угрозы наступления.

6-я армия – с осени 1917 г. – имела задачу обороняться на фронте шириной 500 км от Евфрата до района к юго-западу от озера Урмия. Южный фланг упирался в сирийско-арабскую пустыню, которая в связи с ее безводьем просто не подходила для крупных операций с обеих сторон. Северный фланг примыкал к 2-й армии, которая вместе с 3-й не давала продвинуться дальше русским, уже выдвинувшимся за линию Трапезунд – Эрзерум – Ван – Урмия.

Отсутствие резервов с самого начала не позволяло штабу армии активно обороняться. За счет сильно растянутого фронта, крайне тяжелой транспортной ситуации в пустыне и высокогорьях, а также при сложившемся состоянии армии это было чрезвычайно затруднительно. Оборона была исключительно пассивной. И здесь решающую роль играла местность. Эти сообщения и побудили позднее штаб армии отвести 18-й корпус на сильную горную позицию у Джебель-Хамрин у перевала Эль-Фата.

В сентябре 1917 г. 6-я армия, имея 20 тысяч штыков и 100 орудий, располагалась пятью группами:

У Румадии на Евфрате – 2500 штыков, 8 орудий;
 южнее Тикрита на Тигре – 8400 штыков, 38 орудий;
 южнее Шехрабана на Дияле – 3600 штыков, 30 орудий;
 под Сулейманией – 4300 штыков, 17 орудий;
 у Ревандуза – 1200 штыков, 4 орудия.

Между этими группами зияли уже ничем не заполненные бреши в пустынях и на горной местности. Они облегчали шпионаж для обеих сторон и объясняли тот факт, что посланцы протурецких сил на Кавказе и в Туркестане находили дорогу в Переднюю Азию к Халилу-паше и его единомышленникам сквозь англо-русский «фронт». Да и русские беженцы из Петербурга и германские военнопленные из Сибири подобным путем добивались до Мосула⁸⁷.

Месопотамии, с которым принял участие во взятии Багдада. Смог довести вверенные ему силы до 500 тысяч человек, успешно наступая в Месопотамии и добившись крушения османского фронта осенью 1918 г. Автор мемуаров.

⁸⁶ Следует уточнить, что в боях на Западном фронте привлекались и индийские войска.

⁸⁷ Позднее этот полный приключений путь даже описывался в мемуарной публицистике. См., напр.: Volk H. Öl und Mohammed: «Der Offizier Hindenburgs» im Kaukasus. Breslau, 1938. S. 79–170.

Периодически за этими брешами якобы наблюдали дружественные или нанятые всадники из арабских и персидских племен, среди которых в редчайших случаях действовали и турецкие офицеры. У меня не сложилось впечатления, что все эти операции имели хоть какое-то значение.

За счет раздачи оружия местным уроженцам – в основном потомкам тех османов, которые были некогда расселены вдоль старой турецкой военной границы при султанах Мураде IV (1623–1640), – были сформированы так называемые пограничные батальоны, однако рыхлый состав этих подразделений не обладал никакой спайкой, и при любой атаке англичан они сразу же исчезали из общей расстановки турецких войск. Как правило, они не делали по врагу ни единого выстрела, а тут же прятали ценное оружие и потом оставались по домам в качестве мирных жителей, готовых на любые услуги англичанам за соответствующую плату.

Единственными частями тяжелой артиллерии в армии были двенадцать германских 15-сантиметровых гаубиц под командованием майора османской (и капитана прусской) армии Мора⁸⁸. Они и являлись костяком всей группировки на Тигре.

Снабжение боеприпасами вполне соответствовало в целом жалкому состоянию и остального оснащения. В полосе действий корпусов на каждое полевое орудие приходилось в среднем по 520 снарядов, на каждую из 15-сантиметровых гаубиц было по 190 выстрелов⁸⁹.

Пулеметы самых различных систем – в том числе трофейные английские – были распределены между личным составом частей⁹⁰. Организация пулеметных рот в батальонах еще не проводилась. Пыль и песок, недостаток жиров и невладение техникой привели к тому, что большая часть пулеметов вышла из строя.

Единообразное снабжение пехоты затруднялось тем, что некоторые соединения – например, 46-я дивизия – были вооружены германскими винтовками.

Единственным эффективным средством разведки были германские летчики. Но личный состав и матчасть так сократились, что из двух авиаотрядов на Тигре пришлось сформировать один. Еще один отряд базировался в Кифри при штабе 13-го корпуса. В Мосуле располагался совершенно разоренный из-за недостатка снабжения армейский авиационный склад.

При огромных расстояниях решающее значение для командования могло иметь уверенное взаимодействие средств связи. Крупное германское присутствие в турецкой армии сделало необходимыми отдельные германские линии связи. Кроме того, турецкие подразделения радиостов пока еще только планировались, а отрядов телеграфистов с телетайпами не существовало вовсе.

Из Мосула вела германская линия телетайпа (с аппаратами Юза), которую можно было бы использовать, чтобы поддерживать связь со штабом «Йилдырыма» в Палестине и с османской Ставкой, и для турецких телеграмм латинскими буквами – ведь в Турции тогда еще применялся арабский алфавит⁹¹, который для таких целей, естественно, не подходил. Однако беспрерывно возникали трения и жалобы, ведь провод – единственная для меня возможность общаться с «Йилдырымом» и Константинополем с помощью подробных докладов – часами был занят германской стороной.

Турецкое же телеграфное сообщение штаба армии с его вышестоящими инстанциями в Палестине и Константинополе, а также со штабами соседних армий, словно в мирное время, велось по гражданским линиям, которые были доступны и населению. Не считая ответвления

⁸⁸ Для предотвращения конфликтов субординации поступившим на османскую службу германским офицерам еще с XIX в. присваивалось более высокое (на 1 или 2 чина) звание, чем у них было на прусской (баварской и т. д.) службе.

⁸⁹ Это означает запас примерно на 4–5 дней действительно интенсивных боев.

⁹⁰ Автор подчеркивает это особо, ведь в германской армии до Первой мировой войны и долгое время во время нее были специальные пулеметные роты.

⁹¹ Латиница (в рамках крупных реформ, заменивших османский язык на турецкий) была введена лишь при Кемале Ататюрке в 1928–1929 гг.

через Диярбекир, было еще всего два провода в Алеппо, один из которых был постоянно прерван. Так как турки, как правило, выказывали слабое понимание технических вопросов, то телеграфистами в основном были арабы, армяне или политически неблагонадежные жители Леванта. То есть для шпионажа были все двери настежь. Тысячи телеграмм исчезали, никогда не передаваясь или не принимаясь. Функционирование шло с перебоями. Оплаченные телеграммы частных лиц, например коммерсантов, за бакшиш передавались быстрее, нежели военные депеши, которые телеграфистам не приносили никакой выгоды. Жалобы мало помогали, ведь министерство почты стремилось защитить своих служащих от давления военного министерства.

В полосе действий корпусов связь обеспечивали турецкие отряды телефонистов. Штаб армии особенно болезненно переносил отсутствие телефонной связи со штабами обоих корпусов. Все попытки наладить регулярную и с технической точки зрения возможную связь проваливались по причине бесконечных помех из-за одновременной передачи по телеграфу штатскими, которые на некоторых участках пользовались теми же проводами, а также из-за неумелого обращения и недостаточного обучения персонала на промежуточных станциях, из-за не слишком тщательного устройства линии, а также из-за повреждения линий в пустыне кочевыми племенами.

Как правило, нашу связь с корпусами осуществлял 151-й германский радиоотряд. Сюда же относилась связь с Евфратской группой. Однако любое сообщение могло вестись только по германским кодам, ведь турецкие столь устарели, что англичане давно уже их знали. Постоянные запросы об изменениях либо не удостоивались ответа вовсе, либо получали не слишком утешительную фразу, что в Стамбуле как раз работают над новым кодом. В конце Мировой войны эта затяжная миссия так и не была завершена. При благоприятной погоде германские радиogramмы штабам турецких корпусов оказывались самым быстрым и надежным способом связи. В корпусах их переводили на турецкий приданные радиостанциям переводчики. Но не исключались и ошибки. Часто осуществлению радиосвязи мешали сильные атмосферные электрические разряды.

В сезон дождей (с ноября по май) были не просто дни, а порой и недели, когда выходили из строя все средства связи. И если провода в Алеппо и радио подводили, то Мосул оказывался отрезан от внешнего мира. Ведь и почты не было, если грузовики застряли в степи.

В составе 6-й армии были германские, австро-венгерские и турецкие колонны грузовиков. В засушливый сезон они добивались замечательных результатов. Однако в период дождей они месяцами простаивали, с незначительными перерывами. Отправлять же колонны на трассу было не самым безопасным решением, даже если в сезон сплошных осадков наступала вдруг пауза в шедших дождях.

Бывшего под моим руководством советника интендантства Хаака в марте срочно вызвали в «Йилдырым». Он решил выехать из Мосула с еще двумя офицерами на грузовике, ведь размытая дождями почва вроде бы просохла. Но прямо посреди пустыни, между Мосулом и Телль-Хелифом, на них вновь обрушились проливные дожди, так что они оказались на вынужденном биваке на следующие три недели. И он, и его люди испытали бы серьезный продовольственный кризис, если бы одним солнечным днем мы не отправили ему продукты на самолете. Уже не могли проехать даже легковые автомобили. Халил-паша дважды попадал под дождь и несколько дней не имел связи с Мосулом.

Разница между боевым и списочным составом армии уже слишком бросалась в глаза.

Я хорошо помню поданную мне первую сводку по личному составу: она меня крайне удивила, побудила подробные расспросы и расследования. Ведь на довольствии стояло ни много ни мало 80 тысяч человек, боевой состав исчислялся 40 тысячами человек, зато имевших винтовки было указано 20 тысяч. Две первые цифры относительно последней показались мне чуть ли не чудовищно большими. В состав на довольствии были, правда, включены и те

20 тысяч «беспольных элементов», содержание которых по османским законам возлагалось на армию. Кроме того, чрезвычайно расширена была и тыловая зона. Однако Халил-паша дал этому верную оценку: «L'etape mange l'armee!»⁹²

При всем этом царил нескончаемый избыток штабных конвоев, денщиков, поваров, ординарцев и т. п. Цифры в турецких сводках по личному составу вызвали у меня сильнейшее недоверие. Мое уже назревшее предположение подтвердилось рядом конфиденциальных донесений германских офицеров, что турецкие командиры специально указывают завышенный личный состав, чтобы положить себе в карман жалованье, отпущенное на несуществующих лиц. Иногда здесь сказывалось и вполне понятное желание получить чуть больше продовольствия, чтобы за счет этого улучшить и без того дурное питание действительно имеющегося личного состава.

После того как в конце августа 1917 г. спала жара, англичане атаковали передовые посты 13-го корпуса и отбросили их из плодородной долины Бакуба в скудный Джебель-Хамрин – «Красные горы» – по обоим берегам Диялы. Мендели все еще удерживался небольшими силами турецкой кавалерии и одним из уже упоминавшихся «пограничных батальонов».

28 сентября 1917 г., а на этот день приходился в том году главный мусульманский праздник Курбан-байрам (память о жертвоприношении Авраама), англичане неожиданно атаковали Евфратскую группу под Румадиёй, введя в бой с флангов броневики с пулеметами, вышли в тыл и пленили ее, спастись удалось немногим.

Берега Евфрата оказались оголены. Однако англичане удовольствовались лишь полной своей тактической победой, не стремясь к оперативному ее использованию. Как следствие, «Йилдырым» сумел образовать под Хитом новую группу из одного полка пехоты и немногочисленной артиллерии, которая затем постепенно выросла до дивизии слабого состава.

В середине октября индийские дивизии продолжили успешные атаки на Мендели и турецкие позиции на Джебель-Хамрин к востоку от Диялы. В это время по соображениям снабжения пришлось в 13-м корпусе отвести 1-ю кавалерийскую бригаду в Мосул, а крупные силы пехоты и артиллерии – в Киркук. Англичане в этот критический момент лишь осторожно прощупывали обстановку на горной позиции к западу от Диялы, однако в атаку не пошли, хотя мы сумели бы противопоставить этому лишь небольшие силы.

Британское командование медленно занимало восточный берег Диялы и двинуло силы через Ханекин в расположенный уже на персидской территории Каср-и-Ширин. Тем самым они блокировали знаменитую караванную трассу через важный перевал Пейтак, по которому многочисленные паломники доставляли из Персии трупы своих родственников и друзей к мечети Хусейна под Кербелой, чтобы там похоронить их в земле, освященной геройской гибелью сына Али и внука пророка. Для 13-го корпуса тем самым отпала последняя возможность забирать продовольствие из Мендели и приграничных персидских территорий.

По приказу армии 18-й корпус временно двинул одну дивизию к английским позициям под Самаррой, к старой аббасидской резиденции, чтобы вызвать впечатление предполагаемого наступления и облегчить положение 13-го корпуса.

В ночь с 1 на 2 ноября 1917 г. около полутора-двух британских дивизий с очень крупными силами кавалерии и многочисленными легкими броневиками с пулеметами – которых особенно боялась турецкая пехота – атаковали вдоль Тигра.

Согласно приказу, турецкие войска под Имам Дур без боя оставили передовые позиции и оттянули главные силы под Тикрит.

Противник преследовал, обстреливал позиции из артиллерии, двинул крупные отряды кавалерии и броневики перед его левым флангом в пустыне, однако затем отвел свою пехоту назад. Вечером 3 ноября он отошел на Дур.

⁹² Тылы едят армию (фр.).

Поначалу было ясно, что речь идет о явной демонстрации, возможно, связанной с одновременным возобновлением наступления в Палестине или же подготовкой серьезной атаки, которой предшествует эта «разведка боем».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.